

ПЫЛАЮЩИЕ

ДУШИ

16+

ИСТОРИЯ О ЧЕЛОВЕКЕ,
РЕШИВШЕМ ИЗМЕНИТЬ МИР

**ЯЧМЕНЬ
ВИТАЛИЙ**

Виталий Иванович Ячмень

Пылающие души

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48895146

SelfPub; 2019

Аннотация

Вы бы хотели иметь невероятные способности? В ваших планах изменить целый мир, который обязан стать лучше ради будущего ваших детей! Ну, хорошо, пусть не мир, а, хотя бы, такой город, как Харьков. Володя Бондаренко поставил перед собой благую цель, но выбрал не самое лучшее исполнение. Неожиданный дар несёт вечную жизнь каждому, кто погибнет от созданного им огня, пополняя армию бессмертных помощников. Количество жертв растёт, увеличивая ответственность за поступки бесплотного войска. Обидно узнать, что ты всего лишь пешка, а более сильный и опытный игрок направляет твою карающую руку для исполнения своих целей. Придёт время, и ты осознаешь, что выходов из игры не так уж и много...

Содержание

Часть 1.	4
Глава 1.	4
Глава 2.	10
Глава 3.	20
Глава 4.	28
Глава 5.	40
Часть 2.	41
Глава 6.	41
Глава 7.	53
Глава 8.	61
Глава 9.	68
Глава 10.	83
Часть 3.	97
Глава 11.	97
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Часть 1.

Глава 1.

Хлопья золы опускались, будто с небес. Они кружились в своем странном танце, легко преодолевая путь к упокоению на земле. Люди стояли, как и положено зевакам, задрав головы вверх, к эпицентру события. Несколько минут назад стекло из окна на пятом этаже с треском вылетело на улицу, осыпав осколками наиболее храбрых зрителей, подошедших к самому краю клумбы. Собравшихся передернуло от инстинктивного ужаса перед неуправляемой стихией. Огонь пугал, но в то же время притягивал к себе взоры нескольких десятков глаз.

– А как же Наташка? – вскрикнула толстая теть Катя с третьего этажа. – Кто-нибудь ее видел?

– Наташка... Да кому она нужна? – мужик со второго, чье-го имени я так и не узнал, посмотрел на нее злобно. – Вот с Колькой что – это уже вопрос! Я ему полтинник на той неделе одолжил, а тут пожар. Плакал теперь мой полтинничек. Ох, чувствую, плакал.

Похоже, этот мужик был собутыльником Коли и завсегда-таем ныне пылающей квартиры. В любом случае внешне он

был похож на тех людей, которые частенько появлялись на нашем этаже.

Остальные молчали. Тетя Катя презрительным взглядом окинула мужика и подумала, что ее больше никто не услышал, но тут отозвалась Любовь Сергеевна с первого этажа. Окна ее квартиры выходили прямо на клумбу, утаптываемую сейчас тремя парами ног, и это обстоятельство очень волновало пожилую женщину. Она поправила платок на голове и, повернувшись к тете Кате, сказала:

– Я ее со вчерашнего дня не видела. Она прошла мимо моих окон в девять вечера. Колька сегодня в магазин ходил, но я не знаю, когда он вернулся. Ты у Вовы спроси: ему должны были быть слышны их скандалы и маты.

Тетя Катя, которая интересовалась всеми в нашем доме, повернулась ко мне и, оглядевшись по сторонам, спросила:

– Володя, ты их слышал сегодня? Я за детей беспокоюсь. Наташка... Что про нее говорить? Да и про Кольку... А малых мне жаль. Что там, плакал меньший сегодня? Чего молчишь? Володя?

Оглядываясь по сторонам, я видел интерес и озабоченность на лицах. Никто не хотел себе такой участи. Уверен, многие представляли себя и свою семью на месте потерпевших. Но только не я! Любой, глядя на меня, поразился бы. В отличие от всех этих людей я тихонько улыбался. К счастью, никто не смотрел на меня, так как стихия огня приковывала внимание, не давая отвлекаться. Это хорошо. Так и должно

быть.

– Володя! – тетя Катя дернула меня за рукав. – Что с тобой?

– Ничего, – проронил я небрежно, чтобы она не догадалась о переполнявших меня чувствах. – Страшно мне, тетя Катя. Как говорится, от такого никто не застрахован.

Последнюю фразу я постарался произнести испуганно. Надеюсь, мне это удалось.

– Так ты видел Кольку сегодня? Люба говорит, что он в магазин ходил.

– Нет, тетя Катя, я его не видел. Дверь хлопала. Ну вы же знаете, как он любит шуметь. У меня в коридоре люстра качается от ударов дверью. Наверное, это был он. Дочка мультик громко включила, так что мне не до Кольки было.

Похоже, тетя Катя удовлетворила свой интерес. Ее взгляд снова устремился к окну, а правая рука улеглась на огромную грудь. Сердце пожилой женщины не приспособлено для таких испытаний. Ну ничего, мужика своего она похоронила – с этим тоже справится.

В окне что-то хлопнуло, и столб искр вылетел на волю. Мы все, в едином порыве, устремились взглядом к дыре окна. Задирая голову, я успел разглядеть несколько открытых ртов на лицах, перекошенных от ужаса. Зачем людям со слабыми нервами тратить время среди зевак?

Маленькая искорка обожгла скулу, вернув меня к реальности. Улица наполнилась ревом пожарных машин. Вась-

ка Петренко из трехкомнатной квартиры на восьмом этаже быстро покати́л коляску с голосящим сыном подальше от происходящего. Для чего приходиться с детьми на такие мероприятия? Неужели негде больше сына выгулять?

Двор оглох от вопля первой машины. Нам пришлось отходить к детской площадке, чтобы не мешать спасателям. А они действительно работали! Не прошло и пары минут, как был размотан пожарный рукав, и два человека кинулись подключать его в одном из люков. Параллельно с этим лестница, которую мне приходилось видеть только в фильмах, устремилась к горящему окну. В тот момент, когда во двор заехала вторая машина, экипаж первой уже доделывал свою рутинную работу.

Полицейская машина медленно вкатилась во двор и остановилась у трансформаторной будки. Смешно, но именно там красовалась огромная надпись: «МЕНТЫ – КОЗЛЫ!!!», оставленная неизвестным художником года два назад. Краска выцвела, а сила эмоций осталась. Двое полицейских выразительно осмотрели стену будки и направились было в сторону пожарных машин. Но, увидев нас, отошедших на безопасное расстояние, замешкались и стали шептаться.

Тетя Катя говорила с одним из пожарных. Я не слышал их разговора, но тот явно получил необходимую ему информацию. Он направился к своим коллегам и, перекинувшись с ними парой фраз, скрылся в доме. Двое пожарных побежали за ним следом, в то время как еще один уже подбирался по

лестнице к окну Наташиной кухни. Ребята работали весьма слаженно, и я оценил это. Не знаю, заметил ли это еще кто-нибудь, но я профессионалов своего дела уважал всегда.

– Спросили, сколько человек живет в квартире, – объявила всем тетя Катя, подходя к нашей маленькой компании. – Я перечислила всех.

Несколько зрителей кивнули в ответ на ее слова, но большинство остались безучастными. Три мужика из первого подъезда стояли в стороне и что-то обсуждали. Люди уже отходили от потрясения, готовые вскоре позабыть о сегодняшних событиях.

Меня дернули за штанину, и я посмотрел вниз. Моя дочь Лера стояла рядом и держала в руках свой рюкзачок с игрушками.

– Папа, мы котиков кормить идем? – проговорил этот четырехлетний человечек и скорчил гримаску недовольства.

Ах да... котики. У нас оставалось немного сосисок, которые уже никто не хотел есть, и мы с дочкой решили отнести их бездомным котам. Хотя этих котов трудно назвать бездомными. Еще прошлым летом я сколотил из фанерных листов, откопанных среди хлама в гараже, небольшой домик. Обмотав его пленкой и прибив ее степлером, я получил неплохую будочку для котов. Раньше они жили в картонном домике, но детям, подкармливающим животных, мой дом понравился больше. Добродушные тетушки, щедрые на объедки со своих столов, также оценили мою работу и отправи-

ли картонку на мусорку. Фанерный дом получил свой номер, написанный на нем моим кривым почерком, и стал приютом для нескольких котов и кошек с котятами. Предвосхищая возможные конфликты между хвостатыми жильцами, я разделил его перегородкой и сделал два входа с разных сторон. Пусть живут, мне не сложно было. Лера счастлива, ее друзья тоже. Наша мама счастлива не меньше, так как вопрос домашних животных, который ее так пугал, отпал сам собой, оставив нашу квартиру чистой и свободной от разбросанной повсюду шерсти.

Дочь смотрит на меня, ожидая ответа. Что я могу сказать? Именно то, чего она ждет. И я говорю:

– Пойдем. Здесь уже смотреть не на что.

Мы с дочерью удаляемся, и я чувствую на себе несколько взглядов. Толпа уже не монолитна, но все еще болезненно реагирует на потерю каждой своей единицы. Ну и пусть. Котики сейчас важнее.

Еще какое-то время я слышу голос тети Кати, но вскоре теряю его. Пожар и все, что с ним связано, остались позади. Так зачем мне думать об этом? И я окунаюсь в мир детства, ведомый маленьким, но очень родным кудрявым человечком.

Глава 2.

Моя дочь, как и другие дети в ее возрасте, просто без ума от зверушек. Когда мы гуляем, мне с трудом удается оторвать ее от маленьких вертлявых собачек. Лера гладит их, тискает, а хозяевам остается только смотреть и делать вид, что им это нравится. В их глазах я нередко вижу противоположные чувства, но дочке лучше об этом не знать.

На прошлый Новый год она запросила себе собачонку. Женя долго отговаривала ее, но Лера со слезами на глазах доказывала свою правоту. Что сказать? С младенчества учили, что собака друг человека и охранник его дома. Теперь вот вам, родители, получайте. Нам так и было заявлено, что Буська будет охранять нашу квартиру от злых людей, и Лера сможет сама без страха оставаться дома. Мне стоило большого труда уговорить дочь согласиться на игрушечную собачку. Буська умела ходить, лаять и петь несколько песен. Продержалась она не больше двух месяцев, после чего, замученная, отказалась сначала ходить, потом делать все остальное. Сейчас это создание, забытое своей хозяйкой, стоит в шкафу с игрушками.

Женя не очень любит животных и считает, что они должны жить на фермах и в зоопарках. Я не согласен с этим, но жена в этом вопросе непреклонна. Вот и остаются нам толь-

ко собачки на поводке да кошечки в домике. Мама, проводя нас на улицу с пакетом еды для котов, каждый раз читает лекцию о блохах и лишае. Мне удалось избежать этого заболевания, а вот Женя однажды подхватила его от бродячей кошки. Это событие она запомнила надолго и теперь рассказывает нам о последствиях.

Кошка с котятами были довольны принесенным для них обедом и сразу приступили к трапезе. Пятнистая мама и три наглых рыжих мордочки-отпрыска растащили угощение по углам, и маленькая столовая наполнилась уютным чавканьем. Я не раз объяснял Лере опасность попыток гладить кошечку в такие моменты, и теперь она гладила своих пушистых друзей только до и после обеда.

Наевшись, все семейство развалилось отдыхать, подставив свои шерстяные животики теплому солнцу. Лера, присев рядом, принялась за свое любимое дело – поглаживать их за ушком. А я, за неимением других занятий, стал осматривать домик на наличие повреждений. Вскоре я увидел направляющихся к нам детей.

В нашем дворе жили еще два ребенка возраста Леры, остальные были намного младше или старше. Дочь пыталась играть со старшими, но ребятам было с ней неинтересно, и мы часто искали себе товарищей по соседним дворам.

Три девочки и два мальчика направлялись в нашу сторону. Они были одни, без взрослых, и о чем-то спорили по дороге. Меня это не удивило: детей постарше родители отпус-

кали даже в соседние дворы. Я же свою дочь везде сопровождал, как настоящий телохранитель.

– Все сгорели! Я тебе говорю! – сказал рыжий мальчик, которого ребята во дворе называли «Кузнечиком» за его длинные тонкие ноги. – Мне мама так сказала.

– А она что, видела? – спросила Маша, местная хулиганка. – Никто их еще не видел.

Они приблизились к кошачьему домику и окинули взглядом его гостей. Лера заулыбалась, почувствовав себя хозяйкой на этой территории. Я сделал вид, что меня не интересует тема их разговора и присел рядом с дочерью на траву. Котенок, лежавший рядом, мяукнул и посмотрел на меня. Пришлось гладить животинку, чтобы не показывать свой интерес к происходящему.

– Да, никто не видел, – засмеялся второй мальчик и плюхнулся на траву у дерева. – Скорая уже приехала, так что скоро вынесут трупы, а нас сюда загнали.

– Ненавижу взрослых. Вечно они командуют и не дают делать то, что нам хочется. Пропали бы они куда-нибудь, вот классно было бы! – Маша посмотрела на меня и бросила рюкзак на траву рядом с мальчиком. Тот быстренько достал из него небольшое покрывало и положил у ее ног. Девочка уселась на него и стала рассматривать кошачий домик.

– Нет, ну вы подумайте сами, – не унимался Кузнечик. – Кто их видел сегодня? Баба Катя говорила, что их не было на улице весь день. Только дядя Коля выходил в магазин, но

он вернулся. Значит, они были дома. Моя мама говорит, что тетя Наташа снова напилась и уснула с сигаретой. Дядь Вов, а вы как думаете?

Мне пришлось посмотреть на них и пожать плечами. Я же старался делать вид, что не слушаю разговор. Маша ухмыльнулась и тихонько что-то зашептала второй девочке – кажется, ее зовут Света. Я не был рад, когда эта компания, периодически менявшая свой состав, находилась рядом с моей дочерью, так что редко прислушивался к их именам. Эта девочка кивнула в ответ на сказанное и дернула за юбку третью подругу, которая все еще пыталась расстелить свое покрывало. Оно ее не слушалось и норовило загнуться, что девочку явно не устраивало. Когда она наконец справилась и уселась рядом с друзьями, их пятерка образовала фигуру, похожую на круг. Света сидела ко мне спиной, и я мог через ее плечо наблюдать, как Маша что-то шепчет друзьям.

Мне стало неловко находиться в этом царстве секретов, и я захотел побыстрее уйти отсюда домой, забрав дочь. Но я сомневался, что тела погорельцев уже увезли. Очень не хотелось пугать Леру видом мертвых людей, так что я решил еще немного посидеть рядом с кошачьим домиком.

Котята уже понемногу пришли в себя после сытного обеда и теперь прыгали рядом с нами, веселя Леру, водившую перед ними палочкой. Вдруг со двора раздался крик, а за ним последовал громкий плач. Пятерка друзей мгновенно вскочила и побежала к углу дома. Я посмотрел на дочь и в по-

пытке успокоить ее сказал:

– Все в порядке, Лера. Не переживай.

Поднявшись на ноги, я погладил ее по голове и пошел в сторону выглядывавших из-за угла ребят. По дороге мне пришлось несколько раз махнуть рукой дочери, которая не сводила с меня глаз. У меня появилось чувство, что еще немного – и она расплчется.

Стоя за спиной у ребят, я наблюдал, как люди в белых халатах заталкивают в машину носилки, накрытые простыней. Под этим импровизированным саваном явно просматривались контуры человеческого тела. Это точно не Коля с его огромным животом и явно не дети. Значит, вынесли Наташу, и машина с мигалкой на крыше поглотила ее, скрыв от посторонних глаз. Мельком глянув в сторону толпы зевак, я сделал вывод, что их количество увеличилось чуть ли не вдвое. Сейчас они разбились на маленькие группки по интересам и старались как можно больше рассмотреть. Некоторые шептались, но большинство стояли молча. Человек в белом халате отпаивал успокоительным тетю Катю, а женщина из дома напротив обмахивала ее журналом. Тетя Катя всегда принимает происходящее близко к сердцу, так что при виде трупа ей предсказуемо стало плохо. Жаль, что ее не увели раньше, – можно было побереечь нервы этой доброй женщине.

На выходе из подъезда появились новые белые халаты. В руках медиков были такие же носилки, но теперь под белой

простыней виднелось пузатое тело Коли. Врачам было явно тяжело. Еще бы, там же не только живот, но и два метра роста. Сколько он весит? Думаю, килограммов сто пятьдесят. Ребятам не позавидуешь. Я бы на их месте записался сегодня на хороший массаж. Хотя, возможно, они уже привыкли к такому. То, что осталось от Коли, тоже исчезло внутри машины, и два человека с носилками снова направились в подъезд.

– Я же говорил! Они все умерли! – Кузнечик подпрыгнул на месте. – Говорил же!

– Тихо ты, а то взрослые заметят! – Маша толкнула его в бок и приставила палец к губам. Затем, оглянувшись назад и увидев меня, омерзительно улыбнулась. Ребята замолчали.

То, чего все с нетерпением ждали, а многие в душе боялись, произошло через пару минут. В дверях подъезда снова появились медики с полными носилками. Тетя Катя вскрикнула и через секунду упала в обморок. На носилках, как мешки с мусором, лежали маленькие тела, накрытые белой простыней. Все дети семейства Дроздовых... Когда их за-талкивали в машину, из-под простыни выскочила маленькая ручка, покрытая сажей. Дети рядом со мной вскрикнули, и Света отвернулась. Все потупили взгляд, и только Маша не отрываясь наблюдала за тем, как носилки с телами исчезают внутри машины. Но самое страшное было не это. Сзади тоже раздался крик. Этот голос я не спутаю ни с каким другим. Оглянувшись, я увидел Леру. Она зажмурилась сама и при-

крывала глаза котенку, которого держала на руках, спасая от реалий человеческого мира.

Я сглотнул и подошел к дочери. Прижав ее к себе, я стоял и думал, как успокоить ее. О смерти мы с ней уже говорили: в садике у одной из девочек в аварии погиб отец. Лера долго просила нас рассказать ей о случившемся, и мне пришлось это сделать. Тогда я объяснил ей, что умирают старые люди и некоторые молодые. Но сейчас... Сейчас она видела мертвых детей. С этими детьми она виделась во дворе на площадке. С ними же она здоровалась в подъезде и ходила в сад, хоть и в разные группы. Дети не должны знать о смерти – таково мое мнение. Но что делать, если ребенок становится свидетелем смерти и понимает, что подобное может произойти и с ним?

Так мы и стояли, прижавшись друг к другу. Дочь не выпускала из рук котенка (сейчас я согласился бы уговорить жену забрать его к нам). Компания из пяти друзей, проводив взглядом уезжающие машины с мертвыми телами, направилась к месту стоянки. По дороге начался разговор, затеянный Кузнечиком, но, кто отвечал ему, я так и не разобрал – размышлял о Лере.

– Вау! Круто было! – тараторил мальчик. – Вы видели, как детей несли? Интересно, мелкий тоже умер?

– Конечно, умер, – ответил девичий голос. – Как же по-другому?

– Не, ну все-таки круто! – Кузнечик снова выразил свой восторг от увиденного.

– А почему ты тогда отвернулся? – спросила девочка.

– Я? А ты? Вы все отвернулись!

– Ты первый отвернулся, – вмешалась другая девочка.

– Ты хоть спать сам сможешь? – спросила, как мне показалось, Маша.

– А в туалет ночью пойдешь? – засмеялся второй мальчик.

– Да что вы ко мне пристали? Сами вы трусы.

Я смотрел, как он проходит мимо, провожаемый недобрым смехом друзей. В голове сформировался вопрос: что же из них вырастет? Может, я старею, да так, что уже начал брюзжать и скоро начну всех вокруг называть «наркоманами»? Но с этими ребятами явно что-то не так, это не настоящая дружба. А мои, где мои настоящие друзья? Нет их. Кто-то уехал после выпуска, кто-то остался в районе, где я прожил все свое детство и юность. Связи поддерживаются, а дружба утеряна. Но у этих еще вся жизнь впереди, многое может измениться. Наташа тоже хотела своим детям другой судьбы, но не срослось, как говорится. Она мне несколько раз говорила, что ее дети будут лучше своих родителей. Наташа мечтала, что, когда детям придет время поступать в институт, они с мужем бросят пить и будут всеми силами помогать им выбиться в люди. Помню, что тогда мне на ум пришла песня одной панковской группы о мотоцикле, который купили на деньги, вырученные от сдачи бутылок.

Я присел рядом с Лерой и заглянул в ее по-детски огромные глаза. Она уже не жмурилась, и котенок в ее руках то-

же мог лицезреть мир. В глазах дочери я прочитал вопрос, и мне пришлось ответить.

– Да, доченька, так бывает. – Я опустил голову и прикрыл глаза. – Детки тоже умирают. Болезни, несчастные случаи, убийства... Лера, пойдем домой. Я включу тебе мультик о героях. Будешь смотреть?

В ее лице произошли изменения. Именно их я и ждал. Детский мозг по-другому работает с информацией. Дети быстро выбрасывают из головы то, что мешает им оставаться детьми. Мультик? Конечно хочу! Конфету? Дайте две! Так что Лера окинула меня вопросительным взглядом, будто ища подвох в моих словах и, не найдя его, заулыбалась.

– Пойдем быстрее домой, папочка! Я тебе новый мультик покажу, мне его мама вчера включала.

Я обнял ее и поднялся на ноги.

– Только дома не забудь помыть руки! – проговорил я строго и прижал к себе ее головку.

Мы шли к своему подъезду. Позади разливался смех оставшейся у кошачьего домика компании. Полиция так и стояла в стороне, делая вид, что происходящее ее не касается. Народ начал расходиться по домам, и у подъезда остались только несколько человек. Без сомнения, пожар будет темой для разговора еще несколько недель.

Я держал дочь за руку и думал о случившемся. Что дальше? Как жить с этими мыслями? С кем поговорить? Все это вопросы без ответов. Пусть в ближайшее время они таковы-

ми и остаются, а потом я постараюсь разобраться.

Дочь смотрела на окно, из которого еще недавно валил дым, и что-то шептала себе под нос.

– Что ты говоришь? – подходя к подъезду, поинтересовался я.

– Я не хочу, чтобы с нами такое же случилось, – сказала Лера. В ее голосе я чувствовал страх. Да, мультики на время изгонят этот страх, но запах дыма еще долго будет напоминать ей о беде.

– С нами такого не случится. Запомни это.

– Хорошо, папочка. – Она прошла мимо меня в темноту и прохладу дома. Увидев в ней готовность перешагнуть порог первой, я обрадовался.

Перед подъездом в результате работы пожарных образовалась большая лужа. В ней сейчас купалась пара воробьев, а к ним подкрадывалась дворовая кошка. Дети играли в песочнице, катались на качелях. Мужики собирались играть в домино за своим столиком... Двор, взбудораженный страшным событием, возвращался к своей привычной жизни. Отметив все это краем глаза, я следом за дочерью зашел в прохладный подъезд.

Глава 3.

Мы стояли перед дверями лифта, а мою голову сверлила мысль о том, какую картину мы увидим сейчас на нашем этаже. Что делать с Лерой? Прикрыть ее своим телом, заслонив от ужаса? Если быть героем для своего ребенка, то на все сто.

Двери лифта открылись, и Лера, проскочив вперед, заняла место у кнопок.

– Ты что, не знаешь, кто должен первым заходить? – Я приподнял бровь и с деланным негодованием посмотрел на дочь.

– Знаю, папочка. Но мне хочется поскорее попасть домой. Ее руки немного тряслись, когда она нажимала на кнопку лифта. Увидев это, я понял, что главная причина ее желания поскорее очутиться дома, а не мультики. Нет. Она просто боится. Хотя мы с ней это обсудили и я считал, что она успокоилась, это было не так. Помню ли я себя в тот миг, когда мне пришлось впервые столкнуться со смертью? Мне кажется, это была смерть моего деда. Мне было тогда восемь лет, и в тот день меня не повели в школу. Я был рад возможности пропустить нудные уроки, но не ожидал увидеть то, к чему готов любой взрослый. Когда деда вынесли из дома и поставили гроб на два табурета, я подумал, что все шутят. Он же спит! Я вижу! Когда я сказал об этом маме, она груст-

но улыбнулась и погладила меня по голове. На кладбище я смотрел, как моего деда накрывают деревянной крышкой и опускают в яму. «Зачем? Он же спит!» – хотел закричать я, но мой голос дрогнул. В ту ночь я плохо спал и во сне видел, как комья земли с глухим стуком падают на деревянную крышку. Утром мама рассказала мне, что дедушка просто устал и ушел на небо к своим родственникам. В следующую ночь я спал хорошо, и страшная земля со своим противным стуком мне больше не снилась.

Историю, рассказанную мне матерью, я пересказал своей дочери, когда она пришла из сада с грустной новостью. Уже тогда я знал, что настанет время, когда мне придется сказать по поводу смерти что-то новое. Я чувствую, что этот день пришел.

Мы вышли из лифта, и я старался прикрыть собою страшный вид соседских дверей. На площадке лужа воды растеклась до самого лифта. Мы стояли в этой воде, и я, держа одной рукой Леру, второй – пытался вставить ключ в замочную скважину. Он плясал в моей руке, норовя выскользнуть и упасть на пол. В конце концов ему это удалось, и он с тихим звоном, приглушенным слоем воды, приземлился на плитку.

– Лера, ты только не волнуйся. Папа сейчас поднимет ключ и мы пойдем смотреть мультики. Ты, главное, смотри на нашу дверь и не поворачивайся назад.

– Папа, а чего мне волноваться? – ответила Лера, не делая даже попыток оглянуться на соседские двери.

Ключ я нащупал быстро и, ощутив в руках привычный кусочек металла, начал подниматься. В этот момент я случайно обернулся назад, и ключ снова упал на пол. За спиной зияли ворота в ад, причем в буквальном смысле слова. Соседские двери были распахнуты настежь, так что я мог видеть черные, обгоревшие стены квартиры. И на фоне этих стен промелькнул человек. Я был готов поклясться, что это Наташа, но такого не могло быть! Ведь я лично видел, как носилки с ее телом и телами всех ее домочадцев заталкивали в машины. Продолжая смотреть в темный проем, я старался нащупать ключ. Когда в квартире погорельцев мелькнул очередной силуэт, я до боли сжал в руке найденный вслепую ключ. Он так и остался вдавленным в мою ладонь.

«Только бы не напугать Леру! Только бы она не обернулась!» – шептал я про себя, как мантру. Дверь поддалась на мои манипуляции с ключом, и я буквально втолкнул дочь в тамбур. Шагнув за ней следом, я с хлопком закрыл дверь. Только после нескольких секунд наблюдения в глазок мне удалось выдохнуть с облегчением: в темном проеме двери было пусто. Никто не гнался за нами, ничто нам не угрожало. Неужели показалось?

– Папочка, что случилось? – удивленно спросила Лера и посмотрела на меня с испугом.

– Ничего. Просто мне очень сильно захотелось увидеть тот мультик, о котором ты говорила, а мы все с дверью разобраться не можем.

«Напугал. Вот дурак!» – думал я, открывая дверь в квартиру. Дочь стояла рядом, и я боялся посмотреть на нее, боялся увидеть снова этот испуг. А еще я боялся, что она увидит мой страх и поймет, что я обманываю ее.

– Тогда я сразу его включу! – Лера заскочила в открытую дверь и, скинув на ходу легкие босоножки, пулей влетела в комнату.

Зайдя в квартиру, я быстро закрыл дверь и прислонился к ней спиной. Не знаю, что именно я *там* увидел, но это точно была не Наташа. Я твердил себе это, сжимая в руках ключ. Не может такого быть, чтобы там кого-то забыли и теперь *забытый* бродит коридорами пустой квартиры. Или может?

Из кухни вышла Женя и посмотрела на меня своим особенным взглядом. Всякий раз, когда она так смотрела на меня, я вспоминал тот вечер на школьной дискотеке, когда она одарила меня им впервые. Прошло уже пятнадцать лет, а мое сердце до сих пор замирает от блеска ее глаз. Да, по прошествии стольких лет я все также сильно люблю эту женщину. Тем более сейчас, когда она стоит в своем коротеньком халатике, спрятанная за кухонным фартуком, и вкусно пахнет домашним пирогом. Как она утверждает, рецепт этого пирога передала ей бабушка, которая узнала его от своей бабушки. Как бы там ни было, этот пирог я очень любил. Специально для него я покупал свежую рыбу и сыр твердых сортов.

Все бы ничего, но отсутствующий взгляд выдавал ее состояние. Сегодня в нашем доме всем не по себе. Я подошел

к ней и обнял за плечи. Жена прижалась к моей груди, и по ее щекам потекли слезы. Так мне сообщила моя слегка промокшая футболка.

– Ну что ты, – пробормотал я и поцеловал жену в макушку. Это был жест успокоения, найденный и отработанный мною за долгие годы нашего знакомства. В комнате уже всю шумел компьютер, и мне очень не хотелось, чтобы Лера, придя за мной, увидела маму в таком состоянии. Тогда весь пол будет залит слезами.

– И дети? – только и смогла проговорить Женя.

– Да, – ответил я и прижал ее к себе еще сильнее. – Их выносили накрытыми. Я так понял, там были все.

– Ужас... А я только недавно говорила: «Горбатого могила исправит»... Кто узнает, скажет, что накаркала.

– Никто не узнает, – сказал я и улыбнулся. Эту тайну я сохранию, родная, не переживай. Маленькая тайна у тебя и чуть побольше у меня. И так уж получилось, что они связаны.

Женя тяжело выдохнула и прижалась ко мне еще крепче. Такие объятия впору называть смертельными: грудь сжимается вместе с легкими, и шанса сделать даже маленький вдох тебе не оставляют. Хорошо, когда так тебя обнимают от любви.

В комнате раздался топот, и к нам со словами: «Папа, я все уже включила!» выбежала Лера. Женя тут же отошла от меня и направилась в сторону кухни.

– Идите кушать! – она зазвенела посудой. – У меня уже

все давно готово. Наверное, даже разогреть придется.

Да, мы долго гуляли и не успели прийти к обеду вовремя. Но почему тогда Женя не позвонила? Лера выжидательно танцевала на месте рядом со мной и заглядывала мне в глаза. Я достал из сумки телефон и сразу все понял. Я вчера укладывал дочку спать и поставил его на беззвучный режим. А вот и четыре пропущенных вызова от Жени...

– Ты руки помыла? – прошептал я заговорщицки.

Лера перестала пританцовывать и пулей унеслась в ванную: гнев мамы она на себя навлекать не собиралась. Еще бы! Так можно лишиться разрешения посещать котиков, а этого Лера точно не хотела.

В ванной текла вода, на кухне звенела посуда, а в комнате, напоминая о своем возрасте и требуя замены некоторых комплектующих, гудел компьютер. Я положил сумку на столик перед входной дверью и снял сандалии. Жизнь в семье текла своим чередом, несмотря на страшные события в нашем доме. Я прошел в ванную и ущипнул Леру, о чем-то задумавшуюся перед зеркалом. Она подпрыгнула и, смеясь, выбежала в коридор.

– Папа, догоняй! – услышал я ее крик и, выглянув из ванной, успел заметить, как ее платье скрылось в комнате.

– Сейчас, руки только помою! – вода была горячей и напомнила о пожаре. Я смотрел на свои руки и видел пар. Одна картинка в сознании наложилась на другую, и вдруг мне показалось, что по моим рукам расползается огонь. Я рывком

вынул их из-под крана. Поднеся руки к лицу, я стал всматриваться в покрасневшую кожу, от которой все еще шел пар, но тут в ванную заглянула Женя. Она уже успокоилась, и мне в голову пришла мысль, что, возможно, ее слезы были вызваны волнением за нас.

– Ты меня слышишь? – жена посмотрела на мои поднятые руки и перевела взгляд на лицо.

– Прости, отвлекся. Что?

– Я говорю, никаких игр и мультиков, пока не поедите.

Выглянув в коридор и убедившись в отсутствии Леры, я жестом велел жене приблизить ко мне ухо.

– Я уже пообещал посмотреть с ней новый мультфильм. Она видела, как выносили детей, и очень разволновалась. Давай разрешим ей хоть немного расслабиться.

В вопросах воспитания Женя была непреклонной, так что я приготовился отстаивать свое решение. Но, к моему огромному удивлению, она кивнула.

– Хорошо. – она вытерла глаза. – Но долго не засиживайтесь. Полчаса посмотрите и сразу на кухню. Я к этому времени буду накрывать на стол. Пусть Лера расслабится. Нам всем сейчас это нужно.

Женя пошла на кухню, оставив меня одного. Я снова посмотрел на руку. Рука как рука – ничего необычного.

– Папа, ну где ты? Ищи меня! – донеслось из комнаты.

Я вытер руки и легкой трусцой побежал играть и веселиться. Пробегая мимо кухни, я увидел, что Женя достала

из бара бутылку хорошего вина, привезенного ее сестрой из Франции. Что сказать в такой ситуации? Пусть тоже расслабится. Из комнаты снова раздался недовольный детский голос.

– А кого я сейчас найду, а потом зажарю и съем?

Произнеся это, я задумался, не перегнул ли я палку? Говорить такое после случившегося? Но дочь уже вошла в азарт и эту фразу пропустила мимо ушей.

Глава 4.

Мы немного посмотрели мультфильм, и Лера достала из коробки кукол. Пол в одну минуту стал похожим на поле битвы, усыпанное телами пластмассовых человечков. Поиграть нам удалось совсем недолго: в комнату зашла Женя. Она, как обычно, стала в дверях, уперев одну руку в бок. Женя была дочерью полковника вооруженных сил, так что все делала по графику, не давая спуска никому в нашей семье. По ее действиям можно было проверять часы, и я даже не сомневался, что отведенные нам полчаса закончились и она пришла за нами, чтобы накормить. Подтверждая мои слова, Женя постучала пальцем по запястью и сказала:

– Кушать. Я уже все разложила по тарелкам, так что никаких отговорок.

Последние слова предназначались Лере, которая уже открыла рот, чтобы выпросить себе еще немного времени на игру, но просить было некого: мама уже скрылась на кухне. Дочь посмотрела на меня и я, сделав вид, что тоже расстроился, пожал плечами.

– С мамой шутки плохи, – произнес я и поднялся на ноги. – Ты же знаешь. Ну-ка, кто быстрее на кухню!

Лера вмиг оказалась на ногах и выскочила в дверь. Довольный своей маленькой хитростью, я пошел следом. Идти

туда, куда ей не хочется, Лера обычно отказывалась. Но игра – совсем другое дело. Я часто бессовестно пользовался этим практически безотказным приемом, за что неоднократно корил себя в мыслях.

Когда я зашел в кухню, Лера уже сидела за столом и ковыряла вилкой свою порцию пирога. Заставить ее есть, если она этого не хочет, не смог бы даже волшебник, не то что я.

Заняв свое место за столом, я принялся за пирог. Он получился просто великолепным, несмотря на то что его пришлось разогревать.

Бутылки вина на столе уже не было. Вместо нее Женя поставила графин с компотом, в котором, подтверждая мою догадку, плавали несколько кусочков яблока. Мой нюх меня не подвел – запах обожаемых фруктов я почувствовал еще в коридоре. К моему любимому пирогу жена приготовила еще и мой любимый компот.

– Мама, включи мне на телефоне сказку про домовенка Кузю, – сказала Лера, продолжая ковырять вилкой в тарелке. – Ты же знаешь, что мне без сказки никак!

– О, да! – Женя взяла телефон с подоконника. – Ты у нас известный любитель сказок и песенок. Сейчас включу, а ты давай ешь.

Лера, отломив маленький кусочек, отправила его в рот. Я смотрел на нее и улыбался: ради любимых развлечений этот ребенок готов на все.

Зазвучал женский голос, рассказывающий сказку, извест-

ную почти всем советским детям по старому доброму мультфильму. Женя рассматривала что-то в говорящем телефоне и ела пирог. Я тоже ел, но мыслями был не здесь. Я раздумывал о том, что кого-то из жертв могли не заметить как пожарные, так и медики. На носилках были двое взрослых и несколько детей. Но все ли дети были там? А вдруг кто-то остался один в сожженной квартире? Жуть какая! Но тут я вспомнил, как тетя Катя сказала, что ее спрашивали о количестве человек в квартире. Значит, по логике вещей, пожарные должны были искать всех членов семьи Дроздовых, а это четверо детей и двое взрослых. Я сомневаюсь, что, не найдя одного из них, они бы так просто уехали. Но кого же я видел в их квартире?

Тем временем события в сказке дошли до того момента, о котором мы с Женей не подумали. Мы жевали, а из телефона рассказывали:

«...И тут Кузька увидел, что с потолка падает уголек, хорошенький, красненький. Кузька знал, что любоваться угольком нельзя. Надо сразу наступить на него лаптем, тридцать три раза топнуть, тридцать три раза повернуться, и никакой беды не жди. Но глупый домовенок радостно завопил:

– Ребятунки-домовятушки! Ступайте сюда! Будем играть в мужичков-пожарничков!

Уголек раздули, подстелили ему соломки, угостили щеп-

ками. И зашел, заплясал огонь. Давай всех кусать, обижать, обжигать. Домовята от него, а он вдогонку. И ест по пути все без разбора: перины, сенники, подушки. Чем больше ест, тем сильнее становится. Кинули в него скамейкой, табуреткой – съел и не подавился. Жаром пьшет. Красными искрами сверкает. Черным дымом глаза ест, серым дымом душит. Домовята – под стол и ревя ревут:

– Огонюшко-батюшка! Не тронь, пожалей!

Вдруг из огня голос:

– Детушки! Бегите сюда!

Домовята ревут:

– Огонь нас кличет, съесть хочет!..»

Мы с Женей переглянулись и почти одновременно посмотрели на Леру. Та продолжала как ни в чем не бывалоковыряться в пироге, лишь время от времени посылая маленькие кусочки в рот.

«Может, пронесло?» – говорил взгляд моей супруги.

«Надеюсь...» – отвечал мой.

Но чуда не произошло. Прожевав очередной кусочек пирога, наша дочь спросила:

– А детки тети Наташи тоже с угольком играли? Или домовые у них баловались и случайно дом сожгли?

Женя кивнула мне, мол, ты говори. Об опасности игры с огнем мы с ребенком беседовали пару раз, но можно повторить. Промочив горло компотом и откашлявшись, я легонь-

ко кивнул Жене. Она выключила сказку и отложила телефон в сторону.

– Лера, ты же знаешь, что с огнем играть нельзя. – Я положил руки на стол и скрестил пальцы.

– Знаю. Но домовята играли, – сказала дочь, и я ощутил в ее голосе легкое дребезжание. Она вот-вот расплачется, и мне нужно вести себя очень осторожно, чтобы не допустить ее слез.

– Да, играли. И чем это закончилось? Их дом загорелся. Но людей дома не было, так что никто не пострадал. Тетя, рассказывая эту историю, хочет показать, как может быть опасен огонь для дома. Ты же слышала, как он манил домовят и поедал все вокруг?

– Слышала. Но зачем мы тогда костры жжем за домом и в лесу?

Любознательный ребенок, впечатленный недавними событиями. Что поделать, тема скользкая, но обойти не удастся. Придется сегодня и мне побыть немного рассказчиком.

– Костры жечь можно, но осторожно. Ты же видела, мы разводили огонь в мангале, а после того, как пожарили мясо, затушили угли водой. Это правильно и безопасно. Если разводить костер, не соблюдая правил безопасности, можно сжечь лес, а то и целый город. Я слышал истории от стариков: когда в деревнях крыши крыли соломой, огонь при пожаре перепрыгивал с дома на дом. Бывало, выгорали целые села. С огнем надо быть аккуратнее. А Наташа... Ты же ви-

дела, как они жили? Когда мы шли с тобой в парк, она шла в магазин за выпивкой...

– Володя, – Женя посмотрела на меня одним из своих строгих взглядов, – мы с тобой это уже обсуждали. Что мы делаем, если хотим осудить человека?

Опять двадцать пять... Напоминание об оценочном отношении к людям. Почему я должен молчать, если человек мне не нравится? Психологи со своими советами меня добьют. Ладно бы просто рекомендовали, но их же слушают домохозяйки, начитавшиеся женских журналов! Терпи, молчи, не обижайся... Почему я должен сдерживать себя и учить этому ребенка? Какое поколение мы так вырастим?

Лера смотрела то на меня, то на Женю, явно ожидая продолжения.

– Прости, немного задумался. – После одобрительного кивка жены я продолжил свой рассказ. – Не всем детям повезло с родителями, и не всем родителям повезло с работой. У нас хоть денег и немного, но мы стараемся радовать тебя игрушками и развлечениями. Тетя Наташа с дядей Колей своих детей не баловали. Ты помнишь, как мы купили Костику леденцы?

Лера закивала. Задавая вопрос, я ожидал другого ответа, надеялся, что дочь забыла об этом. Она не забыла. Прошлым летом мы покупали конфеты в маленьком магазине рядом с нашим домом. Костик, Наташин третий ребенок, смотрел на нас сквозь стекло. Когда я его увидел, то чуть не заплакал.

Этот двух-трехлетний малыш стоял, прислонившись лбом к окну, и пожирал нас зелеными глазами. Он был таким худым, что футболка старшего брата висела на нем, как халат на пугале. Чумазое лицо с синяком под правым глазом было все исцарапано местными котами, к которым Костик испытывал огромную любовь. Я купил конфету на палочке Лере и, посмотрев в очередной раз в окно, взял еще парочку Наташиному сыну. Помню, дочка подумала, что я купил их для нее и выдам ей немного позже, но я, выходя из магазина, протянул их чумазому мальчику. Он сначала не поверил, потом сказал, что брать конфеты у чужих нельзя. Но как же загорелись его глаза! Я видел, как он сглотнул слюну. Готов поспорить, что во рту в этот момент у него было сладко. Лера уже разворачивала свой леденец. Оглянувшись на нее, я присел рядом с пацаненком и погладил его по грязным волосам. Он узнал меня – мы не раз виделись с ним и его матерью на площадке, но он боялся, и поэтому конфеты все еще были у меня. Я заверил его, что никому не скажу об этом, и он мгновенно схватил их своей маленькой ручонкой. Оба леденца исчезли в карманах его безразмерных штанов. И также быстро исчез он сам, видимо боясь, что я передумаю и заберу конфеты назад, хотя у меня и в мыслях подобного не было. Лера во время прогулки пару раз спрашивала, зачем я купил Костику конфеты, ведь он не мой ребенок. Жени рядом не было, поэтому я мог рассказать дочери кое-что о том, что думаю о родителях чумазого мальчика. Вряд ли она поняла

причину моего поведения, но я считал себя правым. Она все рассказала маме, и, хотя Женя одобрила мой поступок, перед дочерью мне было немного стыдно.

– Это все от неосторожности, – прервала затянувшееся молчание Женя. – Домовые неосторожно повели себя с угольком – у них загорелся дом. В селе люди упустили искру – загорелась вся округа. Тетя Наташа или дядя Коля скорее всего также неосторожно повели себя с огнем, и поэтому сгорела их квартира. Возможно, они хотели что-то приготовить. Правильно я говорю?

Женя выжидательно смотрела на меня, и мне оставалось только кивнуть ей в ответ. Если бы не мысли о странном человеке в сгоревшей квартире, я был бы более собранным. Но стоит сказать спасибо супруге: с рассказом она меня выручила.

– Я больше не хочу кушать, – прошептала Лера, глядя прямо в тарелку. – Можно я пойду поиграю?

– Нет, сначала доешь, – Женя, как истинная дочь военного, была непреклонна.

– Пусть идет. – Я легонько махнул дочери рукой, и та испарилась. – Ей все еще тяжело.

После обеда Женя мыла посуду, а я читал новости. Теракты, убийства, аварии... Сколько всего ужасного происходит в этом мире! Мир катится в пропасть, а мы помогаем ему катиться быстрее.

Вечером мы всей семьей смотрели детский фильм, ста-

раясь выбросить из головы эти страшные и совершенно не нужные нам события. На экране веселый медведь по имени Паддингтон вытворял такое, что мы все вместе катались со смеху по кровати.

После десяти вечера Лера, помытая и переодетая в летнюю пижаму с зайчиками, легла спать. Я читал ей сказку, поглядывая на ее закрытые веки, а Женя рисовала очередную картину. Когда дочка уснула, я зашел к жене. На холсте красовались наброски, наталкивающие на мысль о том, что скоро здесь появится чудесный корабль, бегущий по волнам.

– Вы сегодня быстро. – Женя нанесла очередной мазок и отошла немного в сторону. – Сильно устала?

– Ага. День тяжелый выдался, – сказал я и лег на кровать, наблюдая за ее действиями. Не скрою, мне нравилось наблюдать за тем, как она творит. Как из непонятных линий на холсте появляются люди, птицы и облака. Ее движения скупые, короткие, но за каждым из них скрывается будущее целого творения. Я не увлекался ничем подобным. Рисовать вообще не умею, так что картинки, нарисованные по заказу дочери, казались пародиями на то, что должно было появиться на бумаге на самом деле. Или руки у меня под это не заточены, или голова настроена на другую волну – одним словом, творчество из меня не прет. Ну и ладно, для этого в нашей семье есть Женя. Хочется верить в то, что дочь получила от нее дар к созданию прекрасного и пойдет по ее стопам.

Между тем на холсте уже всюду бушевало море. Надви-

гался шторм, и несколько птиц пролетали над водой, поднимающейся им навстречу. Храбрый капитан стоял на палубе (или это был простой матрос?) и пытался справиться с управлением. Еще три человека силились вырвать парус из цепких лап ветра и опустить его. Один боролся с якорем, не то опуская, не то поднимая его. Команда работала слаженно и должна была одержать победу, тем более что на помощь им уже выходило солнце в правом верхнем углу картины. Я поверил, что команда выиграет этот бой со стихией. Должна выиграть, ведь у моей супруги все картины о хорошем, даже если на море шторм и ветер рвет паруса. Солнце, возвышаясь над хаосом, давало мне уверенность в этом.

– Всегда забываю, что ты за мной следишь, – произнесла жена, закончив первый этап работы над картиной. Она подошла и легла рядом, прижавшись ко мне грудью.

– Это хорошо, что забываешь. Так винула бы меня в том, что я тебе мешаю своим тяжелым глазом. Я специально тихонько лежу, чтобы меня не заметили. Ты же это прекрасно знаешь.

Я обнял ее и приблизился к родным губам. Мы целовались долго, до беспамятства. Как школьники, дорвавшиеся до запретного плода и вкусившие всю его сладость. Момента, когда мы разделись, я не заметил. Это было не важно, внешний мир ушел на задний план, как будто унесенный ураганом с картины, стоявшей в паре метров от нас. И только солнце, прорывающееся сквозь тучи в углу картины, разгоралось для

нас все сильнее, пока не вспыхнуло самым ярким светом из всех возможных в этой Вселенной.

Занимаясь любовью с женой, я постоянно ощущал на себе посторонний взгляд, но сколько бы раз ни оборачивался, никого не видел. Говорят, что человек может почувствовать взгляд животного, но у нас никто из живности дома не обитал (насчет жучков и паучков меня мучают сомнения). Когда мы успокоились и легли спать, я не выдержал и задвинул шторы. Луна, светившая прямо в окно, наверное, обиделась и спряталась за тучу. Я лег рядом с женой и, слушая ее дыхание, постарался уснуть.

В эту ночь мне нормально поспать не удалось. В голову лезли мысли о странном силуэте в сгоревшей квартире соседей. В те моменты, когда сну все же удавалось затащить меня в свой мир, я, как и в ночь после похорон деда, видел комья земли, падающие на гроб. Рядом стояла вся семья Дроздовых, а на табличке, прибитой к кресту, виднелась надпись: «Владимир Петрович Бондаренко». Видя свое имя, я всякий раз, тяжело дыша, подскакивал на кровати. Женя тоже дергалась, но продолжала спать. Я снова опускался на нагретое мною место и смотрел в потолок. Сон ускользал от меня, и я не знал, что с этим делать. Ну не овец же считать в самом деле!

К утру я был совершенно измотан. Страшно болела голова, и очень хотелось спать. Начало понедельника выдалось таким, каким его описывают в анекдотах: противным, тя-

желым и нежеланным. Хотелось остаться в постели и хоть немного отдохнуть, тем более что сегодня мой выходной, а вчера я совершил большое дело, раз и навсегда показав соседу, кто у нас на этаже главный. Но это был мой обычный день в кругу семьи, и я уже слышал, как Лера пробирается к нам, чтобы сообщить о том, что солнышко встало. В общем, первое утро моей новой жизни началось традиционно: с хорошенького живого будильника.

Глава 5.

Десятки глаз смотрят на меня, прожигая взглядом мою плоть. Они ждут моих слов. Ждут моих действий. Эти глаза смотрят с недоверием и ненавистью. Они многое знают, но не так много, как я. Эти глаза смотрят с болью. Они хотят мести, но не могут ничего сделать. Эти глаза смотрят со страхом... И только это остается для меня непонятным.

Так с чего же все началось? Трудно сказать, но для себя я решил, что отправной точкой этих событий является мой переезд в этот дом.

Прошло уже семь лет с тех пор, как мы с Женей после свадьбы переехали в новую квартиру. Радости нашей не было предела...

Часть 2.

Глава 6.

Радости нашей не было предела: мы переезжали в собственную квартиру, купленную на свои деньги. Два месяца назад мы поженились, отгуляв великолепную свадьбу. И да, мы были влюблены друг в друга по уши.

До этого целых десять лет мы встречались, а познакомились на школьной дискотеке. Кстати, больше подобных мероприятий в нашей школе не устраивали, поскольку тогда произошло несколько крупных драк. Но нам было все равно, ведь свою роль та дискотека исполнила, соединив нас на долгие годы. Если когда-нибудь меня спросят, был ли я счастлив, я твердо отвечу, что не только был, но и по сей день являюсь счастливым человеком.

Расписались мы в центральном ЗАГСе нашего города и уже на следующей неделе укатили в свадебное путешествие в Хорватию. Отдых был прекрасным, но еще большая радость ждала нас по возвращении на родину: коллега моего отца выезжал на ПМЖ в другую страну и дешево продавал свою квартиру. Услышав, что сын сотрудника фирмы ищет жилье, чтобы свить там семейное гнездышко, он отыскал моего отца

и сделал ему такое предложение, от которого мы не смогли отказаться. Получилось так, что не мы выбрали квартиру, а она сама нашла нас и определила в свои владельцы. Судьба.

Кочевая жизнь в съемных квартирах подошла к концу. Мы въехали в двухкомнатный «особняк», как мы его называли поначалу, на окраине Харькова. Квартира располагалась на пятом этаже девятиэтажного дома, построенного около двадцати лет назад. Восточный, когда-то промышленный район, сейчас превратился в спальный, так как большая часть местных предприятий перестала работать более десяти лет назад. Это был район недорогой, но, благодаря расширяющейся инфраструктуре, довольно комфортный.

В планах значились дети, поэтому Женя первым делом кинулась изучать близлежащие школы и детские сады. Недовольная результатом, она отложила этот вопрос до того момента, когда он действительно станет важным. Она не любила так делать, но определиться с выбором заведения не могла.

Женя рисовала прекрасные картины, продажу которых ей помогла наладить через социальные сети близкая подруга. Она рисовала то, что ей было интересно: море, лес, небо. Часто к ней обращались с просьбами нарисовать картину с готовой идеей, и тогда ей приходилось туго. «Заказуху» на дух не выносила. Ей хотелось творить, хотелось, чтобы ее мысли и чувства уходили вслед за красками на холст и растворялись в выдуманном ею мире. Но приходилось соглашаться:

деньги были нужны всегда.

Когда перепадал заказ, полностью продуманный покупателем, она мучилась, временами переделывая картину по несколько раз. Особенно ее напрягали портреты и необходимость перерисовывать их с фотографий. Заказчик указывал фон, просил поправить ему нос или уши, предлагал изобразить его в героическом виде... Для Жени это было каторгой. Но выход из этого положения нашел я, ее надежная опора и, между прочим, первый натурщик. Рассматривая очередную работу, которую она перерисовывала уже по третьему разу, я предложил ей вносить туда элементы, незаметные для заказчика. Она рисовала портрет девушки, парень которой планировал подарить его своей возлюбленной на день рождения. Я долго рассматривал его и вдруг, взяв в руки краски, добавил пальцем несколько штрихов. Так рядом с девушкой появился чертенок, видимый только под определенным углом и то, если на него посветить. Конечно, сам нарисовать его таким я бы не смог, но Жене, понравилась эта идея. После получаса работы она продемонстрировала мне результат. Так и начали появляться на ее картинах для нудных заказчиков чертики и ангелочки, эльфы и гномы, птицы и рыбы. Не знаю, находили ли эти послания клиенты, но претензий не высказал ни один из них.

Я же работал в охранной фирме. Вернувшись из армии и немного побегав в поисках хлебного места, я разочаровался и пошел работать в милицию. Если для Жени каторгой были

только неинтересные для нее заказы, то для меня – вся работа. Больше всего напрягала необходимость в конце недели сдавать начальнику определенную кассу. Я не хотел обирать людей, это было ниже моего достоинства. Придя в милицию, я рассчитывал защищать людей, а не отбирать последнее. Тяжелее этого было только смотреть, как задержанного тобою преступника отпускают старшие по званию. Я понимал, почему так происходит, но не мог смириться с этим. Как можно отпустить того, кто реально нарушил закон? Когда на моих глазах отпустили человека, продававшего наркотики возле школы, я подал рапорт и ушел с работы.

Просидел дома я недолго: уже через пару недель меня пригласили на собеседование в охранную фирму. Они мониторили ситуацию в милиции, засекали очередное увольнение честного «мента» и решили, что надо брать. Так я и очутился в рядах «Центуриона». Мне предложили попробовать себя в роли телохранителя, но я отказался. Да, платили за такую работу очень хорошо, но не хотелось рисковать жизнью ради неизвестных мне людей. Тогда руководство предложило мне должность охранника. Что я только не охранял! Частные детские сады, выставки, склады, бизнес-центры... Больше всего мне нравились те места, где можно было спокойно сидеть или лежать, рассматривая журналы и читая книги. Женя смеялась, мол, я отращу себе там большое пузо. Но я всякий раз отвечал, что в роду у меня толстых не было. Тем более что на всех объектах мне удавалось обустроить себе из

подручных средств спортивный уголок. Или хотя бы найти место, где можно было отжиматься и качать пресс.

Так пролетел целый год, а по истечении его у нас появился новый член семьи. И это был не кот, которого нам предлагали завести друзья. Голосящий комочек по имени Валерия или попросту Лера был привезен мною из роддома солнечным днем и положен в новенькую детскую кроватку. Хотя, замечу, в этой кроватке она почти не спала, предпочитая нашу. Мы были счастливы и жили в безоблачной радости около года. Пока не умерли наши соседи по лестничной площадке.

Дядя Петя, весельчак и любитель по вечерам пропустить пару бутылочек пива, со своей женой тетей Машей пересекал на машине перекресток в районе окружной дороги и Кулиничей. Не пойми откуда, как это впоследствии утверждал единственный свидетель, сестра тети Маши, на них вылетела фура. Перед машины смяло в гармошку. Задняя часть тоже пострадала, но пассажирке только сломало ноги. Несмотря на показания свидетеля, виновным был признан именно дядя Петя, не рассмотревший впереди себя огромную машину, груженую электроникой. Мы с напарником на работе при обсуждении этой истории тоже сходились на том, что виноват мой сосед. Однако нашлись и те, кто обвинял во всем водителя фуры, но при этом радовался трагедии. Страшно признать, но смерти дяди Пети и тети Маши радовались их дочь и ее муж, до этого проживающие вместе с родителями в их четырехкомнатной квартире. У них уже было двое детей,

и сейчас она вынашивала третьего. Теперь они стали единовластными хозяевами квартиры погибших.

Так уж получилось, что о молодых соседях я почти ничего не знал. Мне не приходилось видеть их часто, а если и встречались на площадке, то дальше пары приветственных слов дело не шло. Я знал только то, что зовут их Наташа и Коля и что у них двое детей. Все. Больше времени на разговоры со странными молчаливыми соседями у меня не было. Иногда, беседуя на улице с жильцами дома, я слышал от них, что Наташа и Коля большие любители выпить и живут здесь только потому, что маме жаль выгонять свою безалаберную дочь с мужем-лентяем на улицу. Вроде они нигде не работали, жили на содержании у родителей и на детское пособие. Дядя Петя уже несколько раз намеревался выгнать их «на все четыре стороны», но жена из жалости к внукам сдерживала его.

После аварии по квартирам нашего дома прошла женщина и собрала деньги на похороны и помощь семье. Выходя на улицу, я видел, как она отдала деньги моей молодой соседке и та сразу направилась в сторону магазинов. Скорее всего, она запаслась горячительным, чтобы отпраздновать свою радость, но хочется верить, что это было не так. А радость улетучивалась, поскольку деньги с водителя фуры получить им не удалось, а запасы родителей быстро иссякали. Так что месяца через три они остались без денег и с нетерпением ждали рождения третьего ребенка, чтобы получить «огромную» выплату от государства.

К чему я все это? Ага. Одним прекрасным летним утром я выходил на работу и решил спуститься по ступенькам, чтобы устроить разминку ногам. Погруженный в свои мысли, я вдруг почувствовал, что правая нога вступила во что-то вязкое. Я остановился. В нос ударил неприятный запах. Я стоял в чьей-то блевотине, и от одного осознания этого мне самому становилось дурно.

– Да что же это такое! – вырвалось у меня.

Я смотрел по сторонам, намереваясь найти виновника происшедшего, но на площадке было пусто. Однако эта мерзкая лужа была прямо перед тамбуром соседей.

Вспомнив об их традиционных развлечениях, я сделал вывод, что виноваты в этом именно они. А кто еще мог такое сделать в подъезде, прямо напротив их квартиры? Ладно, свидетелей у меня не было, предъявить мне нечего, и я пошел домой мыть обувь. Было противно, но я справился за пару минут и снова вышел к лифту. Намереваясь теперь воспользоваться благами цивилизации, я нажал на кнопку и начал ждать. Глаза как назло цеплялись за гадость возле соседской двери, а нос отказывался нормально дышать, не желая травиться парами этой субстанции. Отправив спящей жене сообщение о том, чтобы была осторожнее на площадке, я вышел из подъезда и направился к троллейбусу, замеченному мною при выходе из дома. Не думать о случившемся не получалось, но я решил, что соседи уберут все сами, когда проснутся и выберутся из квартиры. Какой я был наивный

тогда! Возвращаясь домой, я увидел на том же месте лужу блевотины, не тронутой больше ни одной ногой. Я был единственным, кто потревожил ее спокойствие.

В моей душе бурлила злость, которую с трудом удавалось сдержать. Я нажал на кнопку соседского звонка и отошел на шаг назад. Где-то в глубине квартиры что-то загрохотало и затихло. Потом раздался звук открываемой двери, и снова повисла тишина. Я понял, что кто-то вышел в тамбур и теперь прислушивается к звукам на площадке. Мне пришлось ждать, как заправскому охотнику, но добыча тоже выжидала, не издавая ни звука. Сколько мы так продержимся? Не знаю, какие планы были у человека с той стороны двери, но я тратить оставшийся вечер на него не собирался. Постучав пару раз и не услышав реакции, я пошел на хитрость:

– Соседи, открывайте. Это Володя из пятьдесят четвертой квартиры. Дело есть.

Предполагалось, что «мифическое» дело породит интерес к моей персоне. И с этим я не прогадал. У того, кто слушал меня за дверью, возникло желание выяснить, что принесет ему мое предложение. Прошло несколько секунд, и дверь, державшаяся «на честном слове», приоткрылась, обдав меня невероятной вонью.

– Слышь, сосед, ты что ли? – из щели показалось опухшее Колино лицо. Он посмотрел вниз и, не найдя больше никого, ослабившись, снова уставился на меня. Коля так и не выходил, а только выглядывал из-за двери, щурясь, буд-

то от солнца. Он все время говорил «слышь», вставляя это словечко в каждое свое предложение. Об этой его привычке я был наслышан, но сам не имел опыта разговора с ним.

– Коля, здравствуй. Как твои дела? Как чувствуешь себя? – я улыбался. Сама доброта.

– Да нормально, а что? Есть предложения? Только моей не говори, а то она тоже прицепится, а она после этого дела очень злая. Но если выпьет немного, то нормальная.

– Я не за этим. У тебя что сейчас под ногами?

– Пол. Линолеум. – Коля заторможенно смотрел себе под ноги.

– Ты не туда смотри, а во-от сюда... – Сделав еще более доброе лицо, я заглянул ему прямо в глаза.

– А... Ого! А что это? Сосед, тебе что, плохо было? Слышь, ты это, может, врача вызовешь?

Я даже заморгал от удивления.

– Подожди, Коля, это не мне было плохо, а, как я понял, кому-то из вас.

– Слышь, ты не прав. Мы вчера дома были весь вечер. И не пили ничего. Это не мы. Да и что тут такого? Ну блеванул кто-то, тебе что, запахло убрать? Тебе мешает?

Я смотрел на него, не веря своим ушам.

– Коля, – заговорил я снова как можно спокойнее, – повторюсь, это не мне было плохо. Вы вчера тут бегали, дверями стучали, а сегодня с утра я нашел такой «подарок» на площадке. Я много чего могу понять, но как можно врать

прямо в лицо человеку? Короче, не поленитесь убрать за собой.

Сосед снова посмотрел на вонючую лужу у себя под ногами и, сделав сердитое лицо, сказал:

– Не мы это. И нам она не мешает. Тебе мешает – убирай. – И уже немного добрее добавил: – Слышь, сосед, может, займешь червонец?

Я сжал кулаки и, с трудом сдержав себя, выдохнул. Сосед расценил это по-своему и мигом закрыл дверь. Раздался грохот. Похоже, Коля, унося ноги от возможной опасности, споткнулся о разбросанный по тамбуру хлам. Его реакция казалась странной, учитывая огромную разницу в наших весовых категориях. Теперь мне пришлось говорить в закрытую дверь:

– Если вы не уберете, я приму меры.

Какие именно меры мне придется принять, я не знал. Да и что можно сделать в данной ситуации? Начистить ему морду? А смысл? Заявит на меня в полицию, потом позора не оберешься. Но что-то сделать надо. Не убирать же все это самому?

Меня переполняла злость, и я снова направился к лифту. Решение выйти на улицу немного освежиться казалось здравым, и уже через минуту я стоял перед подъездом. Здесь я не сдержался и застонал от переизбытка эмоций.

– Что случилось, Володя? – услышал я знакомый голос. Тетя Катя с третьего этажа смотрела на меня с удивлением и

явно ожидала услышать ответ на свой вопрос.

– Да тут такое дело... Понимаете, выхожу с утра на работу и вижу, что на площадке возле Наташкиной двери кого-то вырвало. Конечно, я подумал, что это кто-то из них после очередной бутылки... Я надеялся, что они приберут, и пошел на работу, но когда вернулся, блевотина была на месте. Позвонил им. Колька, явно с бодуна, сказал, что он не в курсе, чье это дело. А если мне это мешает, то я могу сам немного потрудиться и убрать. Представляете? Лежит прямо у него под дверью, а убирать должен я, так как мне, видите ли, это мешает. А им что, не мешает? Как он из квартиры выходить будет?

Говорить о том, что вступил в эту мерзость, я не стал, не хотелось. Женщина оглянулась по сторонам, затем посмотрела на Колины окна.

– А, так к ним вчера друзья приходили, – сказала она. – Наверное, перебрали. У них это не в первый раз. Покойная мать Наташи рассказывала, как ее дочь с мужем отравились однажды водкой. В квартире находиться было невозможно, а им все равно.

Я пытался представить себе то, о чем она говорила. Пытался, но не мог. Мой отец выпивал, но меру свою знал. Друзья, которые приходили к нему на дни рождения, тоже алкоголиками не были. Так что мне никогда не приходилось видеть у себя дома подобное. Я вздохнул и пошел домой.

Меня встретила Женя. Из комнаты раздавался смех Леры

– она недавно начала ходить.

– Как прошел день? – спросила жена, повиснув у меня на шее. – Ты сегодня какой-то грустный.

– Да соседи эти... – я посмотрел в сторону дочкиной комнаты и ругаться не стал. – Я поговорил с Колей. Он сказал, что это не они, и посоветовал мне самому убрать эту грязь, если она мне мешает. Представляешь?

Женя поцеловала меня в нос и ушла к ребенку.

Ужинал я в одиночестве. Такое сейчас случалось часто, поскольку Женя проводила почти все время с Лерой, выдавая ее мне, когда я освобождался. Так что после того, как я попью чай, меня ожидает два часа сумасшествия с маленьким ребенком. Признаюсь честно: мне это нравилось. Я будто возвращался в детство, в ту беззаботность, которую мы утратили, став взрослыми. Я уже предвкушал, как буду носиться с ней наперегонки по улице, да и по квартире, когда пройдет пару лет.

Перед сном я предпринял попытку донести до супруги мысль о моем отношении к ситуации с соседями. Они сами должны это убрать, поскольку виноваты в случившемся именно они. Да, у меня нет доказательств, но, поговорив с тетей Катей, я убедился в своей правоте.

– Не глупи, – вот и все, что сказала Женя перед тем, как повернулась ко мне спиной.

Что она имела в виду, я так и не понял, а на мои попытки получить от нее ответ жена только посмеивалась.

Глава 7.

Возвращаясь с работы, я думал не о семье, как обычно, а о соседях. Что ждет меня, когда я выйду из лифта на своем этаже? И можно ли будет зайти в лифт, или там тоже есть следы *их* пребывания?

Напарник на смене предложил все-таки набить соседу морду. Во-первых, это по-мужски. Во-вторых, это будет для него уроком и покажет, кто главный. Конечно, эти доводы меня посмешили, но делать что-то надо было, и я решил действовать по обстоятельствам.

Выходя из лифта, я сразу посмотрел в сторону соседской двери. Лужи, которая меня вчера так взбесила, уже не было. Можно было праздновать маленькую победу! Первым делом, зайдя в квартиру, сообщу об этом жене. Вот она обрадуется! А что? Муж смог поставить на место зарвавшегося соседа.

– Так это я убрала, – невозмутимо ответила Женя. – Сколько можно проходить мимо и делать вид, что все в порядке?

– Ты? Но зачем? – Мне было сложно поверить услышанному. Я уже записал себе очко за победу над противником и теперь считал, что из последующих конфликтов с соседями тоже буду выходить победителем. А оказалось, что победил он. Хоть эту грязь убрал не я, поражение засчитывалось

именно мне. Какой-то злодей заставил мою жену работать на него, не заплатив ей за это. Звучит бредово, но ведь так и было.

Жена ничего не ответила, но было видно, что мои мысли она прочитала. Уходя в комнату к ребенку, она произнесла только одно слово: «Мужчины...». Не знаю почему, но мне это показалось очень обидным. Выходит, я сделал глупость (или наоборот не сделал) и потому стал в ее глазах в один ряд с теми, кого она считала откровенными тупицами? Я этого не хотел и мириться с этим не собирался. Но что можно теперь сделать? Соседу уже и предъявить нечего. Как он сказал: «Тебе мешает – убирай». Женя убрала, а я нет.

Ел я снова в одиночестве. Сидя за нашим кухонным столом, я смотрел в тарелку и ковырял кашу ложкой. Обида разъедала мне душу, не давая сосредоточиться на приятном. Кое-как, без удовольствия доев гречку, отбивную и залив все это горячим чаем, я заглянул в детскую комнату. Женя лежала на полу, а на ней сверху восседала Лера с любимой игрушкой в руке. Этого ежа я купил ей, получив предновогоднюю премию. Дочери тогда было не важно, какую именно игрушку ей дарят, она еще не знала, что такое Новый год, но сам факт подарка ее порадовал. А как порадовался я, когда оказалось, что ежик стал ее любимцем, о чем говорила его ужасная затасканность. Увидев меня, дочь заулыбалась и произнесла что-то вроде «папа», по крайней мере, мне очень хотелось в это верить. Женя тоже улыбалась, и я сразу понял,

что никаких моральных проблем по поводу происшедшего она не испытывает. К сожалению, этого нельзя было сказать обо мне.

– Сейчас приду, – я махнул рукой и направился ко входной двери.

В моем понимании честь жены была задета, и оставлять этого просто так я не собирался.

Дверь захлопнулась, отрезав меня от тепла и уюта семейного быта. Я стоял на площадке и смотрел в сторону двери соседской квартиры. В ней было что-то отталкивающее, что-то такое, что всякий раз заставляло меня отворачиваться с отвращением. Обгоревшая табличка с номер «56». Ну и что? Скорее всего, ее подожгли подростки, иногда собирающиеся на лестничных площадках нашего подъезда. Несколько раз мне приходилось разгонять особенно шумные компании, но чаще всего они ведут себя мирно и заняты самым распространенным среди молодежи нашего времени развлечением: смотрят видео на своих дорогих телефонах. Так, что еще? Можно обратить внимание на полураздолбанный замок. Как он еще не выпал оттуда... Нет, все это не то. Я стоял уже пятую минуту и тут до меня дошло. Ну конечно! Вопрос не в картине, хотя зрелище малоприятное. Все дело в легком запахе, идущем со стороны их квартиры. Ближайшие их соседи уехали на заработки в Польшу, где оставались уже третий год. За квартиру платит мать хозяина. Говорят, она здесь почти не появляется, договорившись на почте, чтобы квитан-

ции присылали на ее адрес. Вот и получается, что на запах жаловаться было некому. Разве что нашим соседям по тамбуру, но они тоже все время в разъездах, так что на нашей площадке жили только мы да семья Дроздовых.

Когда я понял, что меня раздражает больше всего, запах стал таким сильным, что мне казалось, он стал скрипеть у меня на зубах. Подходя к двери соседского тамбура, я в полной мере ощутил смесь этих «ароматов». Запах нестираной одежды смешивался с вонью залежавшегося мусора. Дополняли композицию запахи человеческой жизнедеятельности. Как они там живут? Немой вопрос повис в воздухе. А ведь у них дети!

Я посмотрел на пол туда, где еще сегодня утром красовалась лужа блевотины. Сейчас здесь чисто, пол промыт. Не знаю, как Женя, но я бы чувствовал огромное отвращение. Да я и сейчас его чувствую, понимая, *что* ей пришлось убирать.

Нажав на кнопку звонка, я ожидал услышать вчерашний шум, но за дверью было абсолютно тихо. Никто не торопился открывать, и это меня разозлило. Вряд ли они гуляют с детьми, наслаждаясь теплым деньком. Кто-то должен быть дома. Сомневаюсь, что они научили детей не открывать двери посторонним. Я позвонил еще раз и, как бы это ни было противно, прислонился ухом к двери. В нос еще сильнее ударил запах из щели в досках, но я решил терпеть.

Так я и знал. В квартире слышались какие-то звуки,

будто по полу перетаскивали тяжелые предметы. На работе мне иногда приходится заниматься этим, когда заказчики просят помочь. Это не входит в наши обязанности, так что никто, кроме меня, это не практикует, а вот мне жаль старушек. Но вернемся к вонючей двери: что там за ней таскают? Может, Коля прибил свою благоверную и теперь тащит ее труп в ванную, чтобы расчленить его под шум воды? Да нет. Никто никого не убил, все живы и счастливы, потому что пьяны. Да, сдаётся мне, *эти* жить будут долго и счастливо.

Я ждал. К сожалению, ожидание сопровождалось вдыханием соседского смрада. Не откроют. Теперь я был почти уверен в этом. Только вот вопрос: почему? Что им скрывать?

Нажав на кнопку звонка в третий раз, я уже не прикладывался ухом к двери, а просто засекал на часах одну минуту. По ее истечении, повернувшись на сто восемьдесят градусов, я пошел домой.

Женя взволнованно выскочила мне навстречу.

– Что там было? Зачем ты туда ходил?

Обняв ее, я точно также, как недавно она, поцеловал ее в нос и прошел на кухню. Жена провожала меня взглядом, так и не поняв моего душевного состояния. Стоя у окна и глядя на улицу, я перебирал в голове разные варианты, но не мог решить, как же мне поступить. Хотелось завывать по-волчьи, но внутренние силы сдерживали меня. Внезапно на площадке раздался скрип двери, и я пулей вылетел в коридор. В комнате слышались смех Леры и голос Жени. Дочь жда-

ла меня: пришло темное время суток, время с папой. «Прости меня, доченька...» – произнес я про себя и, перестав дышать, прислушался к звуку за дверями. Однозначно там кто-то был. Наша дверь, которую я давно хотел уплотнить резиновой, пропускала большую часть звуков из подъезда. Мы слышали, как хлопают входные двери дома, как ездит лифт, как кашляет дедуля с первого этажа, выходя в киоск за сигаретами. Так что я был уверен: на площадке кто-то есть. Раздался кашель, и остатки сомнения растаяли, уступив место сто процентной уверенности. Открыв дверь, я выскочил в тамбур и схватился за ручку внешней двери. В тот же момент на площадке раздался скрежет, и жертва поспешила спрятаться в норку. Я, как олицетворение хищника, стрелой выскочил из своего укрытия и успел заметить, как закрывается соседская дверь. Подбежав к ней, я вынужден был заговорить в ту самую вонючую щель:

– Коля, это Володя из пятьдесят четвертой. Поговорить надо.

Кто-то уронил ключи на плитку, стукнулся обо что-то, скорее всего, намереваясь их поднять, и из-за двери раздался голос подвыпившего Коли:

– Слышь, мне некогда. Разделкой занимаюсь.

Дверь в квартиру хлопнула, оставив меня в полном недоумении. Разделкой чего занимается мой сосед? Неужели я был прав, и он по пьянке убил жену, а теперь разделяет ее в ванной? Бред. Самый настоящий бред. С такой мыслью

я отправился домой, ведь отцовские обязанности никто не отменял.

Свои законные два часа с Лерой мне провести удалось. Она рассказывала мне что-то о своих игрушках на языке, понятном только таким же малявкам и, наверное, инопланетянам. Женя делала набросок новой картины, периодически посматривая на меня. Я так и не смог понять, чего было больше в ее взгляде: недоверия или страха. Наигравшись вдоволь и покормив дочь, я снова передал ее заботам супруги, а сам уместился перед компьютером в надежде посмотреть несколько новых видео на ютубе. Но не тут-то было: как только я занял место в кресле перед ноутбуком, на лестничной площадке кто-то громко ударил в соседские двери. Затем раздался плач.

Выйдя в коридор, я посмотрел в сторону детской, где Женя укладывала Леру, затем тихонько направился к двери. Там снова что-то ударило, и незнакомый голос послал кого-то по всем знакомому направлению. Я стоял перед своей дверью, не решаясь выйти на площадку. В пьяных разборках я участвовать не хотел.

Легли спать мы молча. Женя чувствовала, что со мной что-то не так и ждала моего рассказа по этому поводу. Я же никак не мог разобраться в своих чувствах и мыслях. Больше всего терзала мысль: стоит ли поговорить с соседом «помужски»? И самое главное, есть ли для этого повод. Я боялся, что все мои претензии окажутся надуманными, и, к че-

му приведут разборки, конечно же, не знал. К великой радости, мне удалось быстро уснуть. Все мысли отошли на задний план, предоставляя мозгу отдых.

Ночью мне снился сон: сосед перетаскивает тела своих домочадцев в ванную и там распиливает их на куски старой ржавой пилой, принесенной с балкона. Потом, сделав несколько шагов в коридор, он уходит туда за моей женой, моющей нашу совместную площадку. Этот огромный мужик с совершенно безумными глазами схватил ее за волосы и затащил к себе в квартиру. Вдруг откуда-то выскочили дети. Даже самый маленький, еще не умеющий ходить, лез на четвереньках, весь испачканный кровью. Старший, по-моему, Валик, нес топор, с которого на пол падали багровые капли. Младший полз по ним, оставляя за собой кровавую полосу. Я смотрел на это и никак не мог проснуться. Коля взял топор у старшего сына и подошел к Жене, забившейся в угол возле окна. Он занес орудие над головой и опустил его вниз. Раздался треск и чавкающий звук... И я все-таки проснулся.

Моя майка была пропитана потом, как и постель подо мной. Тяжело дыша, я перевернулся на спину, освободив прижатую женой руку. Я лежал, отходя от кошмарного сна, и смотрел в потолок, выкрашенный в сиреневый цвет по заказу супруги лично мной. По ее же просьбе я сделал его рельефным, но сейчас, глядя на все эти капли и выступы в темноте, я видел только багровую жидкость, сочащуюся из чьих-то бесконечных ран. Может, переделать потолок?

Глава 8.

Той ночью мне очень плохо спалось, и состояние под утро было соответствующим. В голове роились прежние мысли, порожденные моей нерешительностью и неуверенностью.

Встав в семь часов, я тихонечко пробрался на кухню и сделал себе чашку кофе и бутерброды. Это был мой традиционный завтрак, который я потреблял каждое утро на протяжении двух лет. Три бутерброда с маслом и сыром вкусно лежали передо мной на тарелке, а чашка кофе распространяла легкую ароматную дымку, застыв в моей руке. В это утро, в нарушение своей традиции есть за столом, я стоял у окна, рассматривая улицу. Мужик у гаража что-то говорил по телефону. Кажется, его собеседник не соглашался, и мужик несколько раз махнул рукой и со злостью закинул телефон в кусты. Не предприняв даже попытки достать его, он сел в машину и выехал с территории гаражей. Я смотрел на все это и пытался представить себя на месте этого человека. Я опомнился бы и, рискуя исцарапаться, полез бы за своим телефоном в шиповник. Похоже, люди с деньгами действительно мыслят по-другому.

– Вот черт! – прошипел я как можно тише, чтобы не разбудить своих домочадцев. Размечтавшись о возможности раскидываться телефонами, я не заметил, как немного пере-

вернул на себя чашку. Темный напиток потек на домашнюю футболку, и я порадовался, что несколько месяцев назад отказался от привычки сначала одеваться на работу, а потом пить кофе. Легкий ожог, конечно, появился, но это никак не повлияло на мою готовность к выходу. Быстро доев бутерброды и залив их остатками кофе, я переоделся и снова подошел к окну. Интересно, он вернулся за телефоном или тот дожидается своего нового владельца?

И тут моего уха достиг противный звук. Сосед, а в том, что это был именно он, я не сомневался, чем-то стучал по двери. Грохот поднялся такой, что наша люстра в коридоре затряслась в том же ритме. Быстро накинув туфли, я выскочил из квартиры, намереваясь застать этого злыдня в разгар преступления.

Удивлению моему не было предела. На площадке, не слишком умело орудуя молотком, сосед чинил свою дверь. Прямо посередине этого синего чудовища красовалась свежая вмятина, а замок был вырван с корнями и лежал на полу, на том самом месте, которое недавно мыла моя жена. Коля стучал по двери импровизированным молотком, сделанным из открывалки и прикрученной к ней металлической кружки. Признаюсь, такое «гениальное решение» я видел впервые в жизни.

– Ты бы еще сковороду взял! – Я остановился возле своей двери: не хотелось получить по голове оторвавшейся кружкой.

– О, сосед! А ты правильную мысль говоришь. Да только моя не разрешила сковороду брать. Говорит, что я со своим счастьем ее сломаю. Ну не дура, а? Слышь, а у тебя отвертка большая есть под крест? Я отдам, ты же меня знаешь! Да и молоток мне не помешает. Дай, а, по-соседски?

Я уже собирался отказать этому не очень приятному мне человеку, но он, не дав мне рта открыться, проявил удивительную смекалку.

– Слышь, ты только не говори, что у тебя нет. Ты же ремонт дома делал? Делал! А значит, инструмент должен быть. Дай молоток, не будь сволочью.

Не в силах сдержаться, я рассмеялся и пошел домой. Может, он и не вернет мне инструменты, но хоть развеселил с утра.

Стараясь не шуметь (хотя после поднятого соседом шума любые мои действия можно считать шепотом на базаре в людный день), я пробрался на балкон и достал из встроенного шкафа все необходимое. Коля, увидев в моих руках желанные инструменты, сразу подобрался и шагнул ко мне.

– Э, нет! – я быстро убрал руку за спину. – Давай договоримся так: я даю тебе эти инструменты на один рабочий день, и ты сам заносишь их мне сегодня вечером. Это первое условие. Второе: ты начнешь стучать только после девяти утра, когда моя семья уже выспится. По рукам?

– По рукам. Не очень-то и хотелось сейчас двери чинить. Это все Наташка моя. «Сделай, сделай!» – а сама сковороду

зажала. — Он подставил мне свою ладонь и, как бы ни было противно, пришлось ее пожать. Ладонь была потная и грязная. Скорее всего, он испачкался о свою засаленную кружку. А чем он довел до такого состояния последнюю, мне даже думать не хотелось. Вручив ему обещанное, я направился к лифту, понимая, что уже немного опаздываю. Позвоню на парнику, предупрежу, ведь у нас принято прикрывать друг друга.

Выйдя на улицу, я нарушил свой привычный маршрут. Вместо того чтобы сразу пойти к остановке, я решил заглянуть к гаражам. Обойдя куст шиповника, разросшийся до невероятных размеров, я посмотрел на наш дом. Наблюдающих вроде нет, значит, можно пошарить рукой в кустах. Из окна это казалось более простой задачей, но, подойдя сюда, я никак не мог осмелиться приступить к поискам. Телефона не было видно, так что мне пришлось бы рыться в зарослях. Недавно сюда повадились лазить наркоманы, и я сам несколько раз видел, как они что-то бросали в кусты. Думаю, это были использованные шприцы, так что риск нарваться на неприятности был велик.

Обойдя кусты пару раз, я остановился на том месте, где стоял тот мужик. Нет, ничего похожего на дорогой девайс, отсюда я не видел. Ладно, может, потом найду, если кто-то другой не подобрал. Я уже вышел с территории гаражей, но вдруг остановился. Надо было действовать быстро, пока не пропал запал. Резко развернувшись, я уверенным шагом по-

шел в направлении кустов и присел рядом с ними на корточки. Как я и думал, рядом с двумя шприцами и упаковкой от лекарства с непроизносимым названием лежал черный смартфон. Божья коровка сидела на его экране, и в тот момент, когда я протянул вперед руку, она взлетела в моем направлении. Приземлившись на мой палец, эта кроха спокойно направилось по нему вверх, подползая к запястью. Я схватил телефон и быстрым движением отправил его в пакет с обедом. Божья коровка упала вместе с ним.

А вот теперь надо было бежать на работу, так как напарнику я до сих пор не позвонил. Снова дойдя до выхода из гаражного комплекса, я остановился и заглянул в пакет. Дорогой телефон известной марки расположился прямо на моей коробке с обедом. Там же сидела божья коровка, не пожелавшая так легко отдавать мне свою находку. Осторожно достав жучка, я развернулся в обратную сторону. Ключ пришлось искать не долго, хотя он и норовил выскочить через дырку в кармане брюк. Я подошел к знакомым воротам и, оглядевшись по сторонам, открыл вход в это царство хлама.

Вместе с квартирой нам достался гараж. Не могу сказать ничего плохого об этом сооружении – даже крыша нигде не подтекает. Но ему так и не удалось сделать из меня «настоящего мужика», большую часть свободного времени проводящего в его стенах. Однако он стал нашим семейным складом. В новой квартире не должно быть много хлама, а в старой... Да, чего мне только не пришлось вынести сюда с мыслями

о том, что эти вещи еще пригодятся. Здесь стоял и старый диван, и холодильник, и даже три книжных полки. А еще лыжи, куда же без них! С крючка, вбитого в стену, свисали старые хозяйские коньки, а на полу лежала скрученная ковровая дорожка. Всю правую стену занимал старый советский сервант, в который я планировал складывать инструменты и ненужную одежду. Руки до этого так и не дошли, так что этот мрачноватый гигант стоял практически пустым, за исключением одного отдела. Тот был завален старыми молотками и напильниками, непонятно откуда взявшимися в таком количестве у прежнего хозяина.

Я постоял с минуту посреди гаража, осматривая свои владения. Мой взгляд упал на этот ящик с инструментами. Скорее всего, производитель смартфона не рассчитывал, что его продукт будет храниться в таких условиях, но более заваленного места у меня не было. Как говорится, дальше положишь, ближе возьмешь.

Аккумулятор решено было извлечь: непонятно, как долго телефон будет храниться в этом месте. Обмотав девайс старой тряпкой, валявшейся в углу гаража, я аккуратно привалил его напильниками и молотками. Сверху все это придавил огромной киянкой и закрыл дверь. Буду надеяться, что никто меня не видел и хозяин смартфона не зайдет вечером ко мне в гости.

На этот раз я окончательно покинул территорию гаражей и направился к остановке общественного транспорта. Зачем

мне этот телефон? Разве что продать перекупщикам и получить немного свободных денег? Женя не будет знать о них, и я смогу сделать им с дочкой подарок на будущий Новый год. А потом она меня спросит, где я взял деньги, и я скажу, что... Хм, и что же я скажу? Скажу, премию выдали. Да, именно так.

Выкинув из головы мысли о ценной находке, я достал свой телефон, чтобы позвонить напарнику. Он должен знать, что меня надо прикрыть перед руководством, если вдруг сверху додумаются позвонить.

Глава 9.

Выходя из лифта, я посмотрел на соседскую дверь. Коля поставил замок и даже забил кусками каких-то досок дыру на месте его установки. Это вселяло в меня надежду, что больше стучать молотком никто не будет.

Зайдя в квартиру, я услышал привычный смех, доносившийся из комнаты. Не знаю, чем занимались мои боевые подруги, но им явно было весело. Инструмент, выданный с утра соседу, в коридоре отсутствовал. Женя вряд ли стала бы убирать его в шкаф, так как знает, что я не люблю, когда она ковыряется в моих вещах. Или сегодня табу было нарушено?

Я заглянул в комнату и помахал домочадцам. Лера оторвалась от складывания кубиков и улыбнулась мне почти беззубой улыбкой. От этого мне всякий раз становилось тепло на душе, и я улыбнулся в ответ. Женя рисовала ей маленьких ежиков, и дочка, посматривая на них, пыталась сложить из кубиков какое-то только ей известное слово.

– Папа помоеет руки и придет. – Не могу назвать себя чересчур чистолюбным, но, как мне казалось, я физически чувствовал грязь и микробов, налипших на мои ладони в общественном транспорте. В таком душевном состоянии, естественно, идти к дочери было нельзя.

Умывшись, я закинул в микроволновку ужин и направил-

ся немного поиграть с дочерью. Лера уже складывала из кубиков пирамидку, но сама она видела в ней ракету и каждый раз изображала звук старта космического корабля, подбирая вверх получившееся сооружение.

– Как там Коля? – спросил я у жены, когда построил свой первый космический корабль за этот вечер.

– А что с ним? – Женя смотрела удивленно, даже ежиков отложила в сторону. – Часов с восьми стучал молотком, как сумасшедший. Я выглянула в глазок и решила не вмешиваться. А днем мы видели его пьяным. И находит же где-то деньги на свои развлечения.

Я подкинул «ракету» к потолку, чем вызвал небывалый восторг у дочери, и сел складывать новую. Так, значит, Коля меня обманул. Обещав мне подождать, он тем не менее продолжил свое дело. Вот же сосед...

– А с инструментом что? – Я положил очередной кубик на башню и посмотрел на жену. На кухне запищала микроволновка, извещая о подогретом ужине. Но мне уже было не до нее. Сейчас надо с Колей разобраться, хотя бы мысленно.

– С каким? С его молотком, которым он явно хотел развалить весь дом? – Женя продолжала рисовать, но лицо ее в процессе приобрело удивленный вид.

– С моим молотком. Я одолжил ему на время. Еще и отвертку выдал для починки замка.

– Так вот из-за кого весь этот шум! – Женя картинно всплеснула руками. – А я все думаю, откуда у нашего соседа

нормальные инструменты? Там же все уже пропито, как говорит тетя Катя. А тут на тебе, такой шикарный молоток! А это, оказывается, мой муж постарался с утра.

Сарказм я оценил. Женя владела этим мастерством очень хорошо, широко применяя его в общении с окружающими. Сейчас она снова подтрунивала надо мной, зная о моих волнениях и желании наказать соседа. Получается, наказал-то я при помощи Коли свою семью. Ходили слухи, что он распродал из квартиры все, без чего Дроздовы могли прожить. Инструменты, по утверждению тети Кати, он продал ее сыну, когда тот приезжал к ней в гости на машине. Возникает вопрос: как там дела с моим молотком? Чувствуя неладное, я поднялся на ноги и пошел к выходу. Лера, стараясь не падать, сделала несколько шагов за мной и позвала меня на своем языке.

– Так он их не вернул? – Я с надеждой посмотрел на жену.

– Нет, – только и сказала Женя, даже не оторвавшись от картинки. На ней ежики уже стояли под деревом, а сверху на них падали яблоки. Один из этих ежей был очень похож на меня, но в отличие от остальных он не ждал любимых фруктов, а стоял рядом с чьей-то норкой, нюхая чужеродный для леса предмет. Я готов был поспорить на что угодно, что там лежал молоточек, маленький такой, как раз для ежикиной лапки.

– Папа сейчас вернется, – сказал я Лере с улыбкой. – Ему надо подкрепиться после работы. И не только...

Женя, довольно умная женщина, поняла мои слова правильно и тихонько засмеялась.

– Ну да, папе надо пойти с дядей поговорить. Они же теперь друзья, натуральный обмен наладили...

Выйдя из комнаты, я выругался. Естественно, шепотом, чтобы не услышали домочадцы. Я пошел на кухню и достал из микроволновой печи свою тарелку. Макароны и котлеты, политые сливовым соусом, сразу наполнили кухню ароматами. Да, это именно то, чего мне так не хватало, чтобы хоть немножко отвлечься. Поставив тарелку на стол, я мысленно пригрозил соседу и взял в руки вилку. Коля никуда не денется, а вот мой аппетит после разговора с ним может пропасть.

Доев все до последней крошки и вымыв тарелку, я выглянул в коридор. Дверь манила к себе. Какие новости ждут меня за порогом квартиры? Так, три глубоких вдоха, три выдоха. Что еще? Может, нож взять?

Рассмеявшись своей последней мысли, я направился к двери. Из комнаты звучала детская песенка, но реалии снова сделали меня серьезным. Нельзя, чтобы Коля видел меня веселым. Я же не на праздник к нему иду.

Выйдя на площадку, я настороженно посмотрел на соседскую дверь. Откроет мне в этот раз сосед или снова будет прятаться? Впрочем, если я не позвоню, то никогда не узнаю.

Встав рядом с его дверью, я снова невольно посмотрел туда, где недавно испачкал свои рабочие туфли. Вот интересно, неужели всякий раз, проходя здесь, я буду вынужден ду-

мать о блевотине? Похоже, что этого уже не изменить. Разве что выжечь здесь все огнем в надежде на очищение... Ну уж нет! Только костров мне в доме не хватало. С такой мыслью я нажал на кнопку звонка.

Как я и ожидал, ответом мне была тишина. Брезгуя, я все-таки прислонился ухом к двери и прислушался. Может, показалось, но, по-моему, там храпели. При своих габаритах Коля мог *так* храпеть, но неужели его слышно здесь? Хотя чему я удивляюсь – в нашем подъезде слышимость безумная.

В общем, домой я вернулся без своих инструментов, и это было очень обидно. Вспомнился ежик на картинке у Жени. Я тоже постоял возле чужой норки, обнюхал ее да так и остался с пустыми руками. Вот только ежику еще и яблок не досталось, а я могу взять себе одно на кухне.

Порезав яблоко на дольки, я зашел с тарелкой в комнату к своим девочкам. Они играли в непонятную мне версию ладушек, и Лера всякий раз, когда ей надо было хлопать маму по подставленным ладоням, заливалась смехом. Увидев тарелку с яблоками, она рванула ко мне и села рядом. Я выдал ей одну дольку и протянул тарелку Жене.

– Ежик вернулся ни с чем, – вздохнул я в ответ на ее взгляд. – Но свою главную добычу ежиной семье он принес.

Женя хохотнула и протянула руку за яблоком.

А между тем в моей голове зрел странный план. Все началось с дикой мысли, появившейся перед дверью соседей,

но сейчас я старался прогнать ее подальше, чтобы не мешала мне быть веселым со своей семьей. Ведь *такое* с радостным лицом здоровый человек не обдумывает.

Спал я на удивление хорошо. Ежик в моем сне радостно носился по лесу с молотком, стуча им по деревьям. С них падали яблоки размером с арбуз, но ежа это абсолютно не смущало, так как впереди, в белом мареве, виднелась норка его врага. Ежик улыбнулся и весело ударил молотком по очередному дереву, согнав с него стайку неизвестных мне птиц. Я вообще сомневаюсь, что в природе существуют птицы с клювом на затылке. Но моего героя это вряд ли тревожило. Он шел к норке врага, насвистывая одному ему известную песню. В глазах его прыгали радостные огоньки: то ли в них веселились дьяволята, то ли это было отражение того, что он видел впереди. В любом случае, ежик был доволен. Странно, но я целиком разделял с ним это чувство.

Возможно, дело было в приятном сновидении, а может, я просто хорошо выспался, но настроение с утра было великолепным. Я пил кофе, жевал бутерброд с сыром и думал о телефоне, лежащем у меня в гараже. Сколько времени необходимо выждать, прежде чем нести его на продажу? Если сосед опомнится и заявит о пропаже, то скорее всего при включении телефон удастся отследить. Хотя вряд ли, ведь он так просто с ним расстался. Чего же я тогда вчера боялся? Похоже, совесть меня мучила, ведь я не просто взял чужой телефон – мне был известен его владелец, а значит, я мог вер-

нуть ему дорогую вещь.

Встав из-за стола, я подошел к окну с целью успокоить мысли. В моих планах было созерцание прохожих: это всегда приводило меня в хорошее настроение. Да, я люблю посмотреть на людей из окна. Не зная, что на них смотрят, они могут совершить нечто смешное или загадочное. Я любитель понаблюдать. В такие моменты часто всплывает мысль о том, что мне надо было идти в психологи. Правда, если говорить о ситуации с соседом, то его суть мне разгадать не удалось.

Кстати о соседе. На часах половина восьмого, а это самое время для неожиданного утреннего визита. Только я подумал об этом, как увидел в окно владельца телефона. Я поставил чашку на подоконник и стал наблюдать за его действиями. Сейчас меня больше всего интересовало, полезет ли он в кусты. Но он открыл свой гараж, вывел машину и тронулся в путь. Ворота за ним закрылись автоматически. Посмотрев завистливо, я пошел одеваться. Не идти же к Коле в одних шортах?

Очередная попытка достучаться до соседской совести закончилась неудачей.

Как бы противно мне ни было, я снова приложился ухом к двери, пытаясь уловить признаки чужой жизни. Там раздавались шаркающие шаги, и я обрадовался до глубины души. Значит, хоть кто-то там не спит. Нажав на кнопку звонка с прижатым к двери ухом, я услышал, как человек остановился. Выглядело странно, но мы оба стояли и не шевелились,

будто бы снова играя в охотника и жертву. Интересно, знает ли этот человек, что я стою, прислонившись ухом к двери? Я позвонил еще раз, и шаги возобновились. Невидимый мною человек явно прошел в туалет, так как через пару минут послышался звук слива воды. Шаркающей походкой он прошел по коридору и снова остановился, так как я в третий раз нажал на кнопку звонка. Для подтверждения своего желания встретиться лицом к лицу с таинственным невидимкой мне пришлось три раза стукнуть костяшками пальцев по двери. Мне показалось, или человек действительно подошел поближе и застыл в ожидании? Раз уж я так хорошо его слышу, то, может, и он меня услышит?

– Откройте, пожалуйста, это ваш сосед из пятидесят четвертой квартиры. У меня к вам неотложное дело.

Из щели мне в ухо лилась тишина. Человек безмолствовал и не шевелился. Самое интересное заключалось в том, что я был уверен: он знает, что я его жду. Почему же ты не отвечаешь, друг?

– Коля, открой дверь. Мне помощь нужна мужская, а ты здоровый, как буйвол. Я тебе заплачу.

Похоже, последние слова возымели эффект: после нескольких секунд молчания дверь в тамбур начала открываться.

За дверью раздался женский голос. Ага, значит, это Наташа ходит в такую рань по квартире, не поднимая ног. Действительно, зачем утруждаться? Она остановилась у второй

двери и между нами снова повисла тишина. Я представил, как Наташа прислонилась ухом с той стороны, и засмеялся. Да, мы стоим в одной позе, прислушиваясь друг к другу через тонкую перегородку. Увидеть бы эту картину в разрезе да запечатлеть на холсте! Может, предложить Жене писать юмористические сюжеты?

– Ты чего там ржешь? – услышал я прокуренный голос. Странно, когда я виделся с ней в последний раз, этих ноток в голосе не было. Неужели так много времени прошло?

– Мне на работу давно пора, а я тут мужа твоего жду. Смешно.

– А он спит. Но если что-то срочное – говори. Я его растолкаю. – Наташа приблизилась к двери, и ее голос стал более четким. Похоже, она пыталась рассмотреть меня в глазок. Мне пришлось сделать шаг назад, чтобы показать ей себя во всей красе. Похоже, это было верное решение.

– А, сосед! Так это ты! Сразу бы сказал, что свои. А я все думаю, где твой голос раньше слышала?

Дверь зашаталась, раздались ругательства. Она что-то делала, но я не мог понять, что.

– Наташа, ты как? – Я успел разволноваться – так сильно она дергала дверь. Кто знает этих пьяниц? Может, приступ какой случился, а виноват буду я.

– Ключ застрял, – ее голос звучал озабоченно, но тут же вернулась былая радость: – А, так это не тот ключ!

Замок щелкнул, и дверь распахнулась. Передо мной пред-

стало «нечто» – по-другому назвать ее я бы не смог. Я уже успел подзабыть, как выглядит моя соседка, но сейчас понял: лучше и не вспоминать. Опухшие красные глаза, растрепанные волосы, ноги в синяках, отекшее лицо и размазанная помада. Я не знаю, для кого она красилась вчера вечером, но убрать свой простенький макияж перед сном забыла.

Наташа подняла из пустой обувной полки пачку сигарет. При движении из выреза ее старого засаленного халата выскочила одна грудь и уставилась на меня торчащим соском. Признаю, сложно было представить, что ее прелести сохранили такую свежесть. Женщину совершенно не смущал такой вид. Она молча вставила в рот сигарету и подождала ее извлеченной из кармана зажигалкой. Я же смутился и потупил взгляд.

Наташа не сразу поняла, что на меня так подействовало, и, только выпустив пару струек дыма, громко засмеялась.

– Манька, да ты у меня баловница! А ну-ка быстро домой!

Молча глядя в пол, я заметил, как соседка дернулась, поправляя халат. Когда я снова поднял взгляд, то «манька» уже была на своем месте, в грязном домике.

– Так что там с Колей?

– А что с ним не так? Спит, как всегда. Накушался вчера у друга, скотина такая, пришел домой бухой. Я его в магазин засылала. Он продал что-то, деньги были. Правда, осталось мало.

Я сразу догадался, что именно продал ее муж. Теперь кто-

то будет хранить на балконе *мои* молоток и отвертку. Мне кажется, или это нельзя оставлять безнаказанным?

Наташа стряхнула пепел в привязанную к перилам консервную банку. Свободной рукой она почесала живот под халатом и посмотрела на меня. В ее глазах читался явный вопрос: «Чего надо?»

– Мне бы поговорить с ним. Дело есть, причем весьма интересное. Может, разбудишь его?

– Ну смотри, – протянула она, затушив сигарету и положив ее обратно в пачку, – если дело не срочное или не выгодное, он сначала тебе морду набьет, а потом мне.

Было странно слышать это: вчера Коля говорил, что она не позволила ему взять сковородку, да и его рассказы о пьяном поведении жены подтверждали ее агрессивность. Но на фоне соседа с его килограммами Наташа выглядела пушинкой, поэтому проще было поверить ее словам, чем Колиному пьяному бреду.

Она ушла вглубь квартиры, махнув мне на прощание полкой халата, и я остался один. Через минуту раздался голос Коли. Он недоумевал, зачем его разбудили, но вскоре понял, что есть возможность подзаработать. Я слышал, как скрипит его постель и как он роняет что-то на пол. Со слов Наташи стало ясно, что это стакан с водой и теперь ей придется вытирать пол. Коля, бурча нечленораздельно, появился в коридоре.

Увидев меня, он сначала стушевался, но, сделав пару ша-

гов, заулыбался и пошел навстречу чуть ли не с распростертыми объятиями.

– О, соседушка! Что предлагаешь? Я после вчерашнего много работать не смогу, но пару часиков тебе подсоблю.

– Коля, дверь, как я посмотрю, ты починил, – сказал я очень спокойно, чтобы не выдать своего боевого настроения.

– Ага, замок лучше нового работает. И че его Сашка раньше не выломал?

– Это ты у Сашки спросишь. А мне расскажи, почему ты мои инструменты вчера не занес?

Он оглянулся туда, где стояла его жена. Их разделяло расстояние в пять метров, но я готов поспорить, что его взгляд, брошенный в нее, словно камень, попал точно в цель. Наташа стушевалась и сделала шаг назад. Коля одними губами произнес несколько слов, и она со слезами убежала в комнату. Звуки, раздавшиеся оттуда, говорили о том, что женщина завалилась на скрипучую постель. Поворачиваясь ко мне, Коля изобразил на лице самую милую улыбку, которую я только мог бы представить на его лице.

– А зачем они тебе вчера нужны были? – он ангельски улыбался, но его кулаки сжались. Я на всякий случай сделал полшага назад.

– Какая разница? Мы договаривались, что ты занесешь их мне вечером и не будешь стучать до девяти утра. А ты не выполнил ни одного из этих условий. Тебе помогли, по-соседски, так сказать. А что взамен? Так и стучал бы своей

кружкой, если бы не я.

– Слышь, ты это... Не наглей и не возвышай себя за мой счет. Я такого не люблю. Ты пойми, мне срочно надо было доделать. А время... Ну, час туда, час сюда... Твои и так уже должны были выспаться. Че им уставать? Только гуляют да мороженое на лавочке жрут. Зачем им так долго спать?

Я не верил своим ушам. Этот человек, которого я уже начал считать нормальным, увидев его стремление починить дверь, сейчас несет такое, что я даже чушью назвать не могу.

– Коля, ты со словами поосторожнее! – я тоже сжал кулаки, но тут же их расслабил. Мало ли что придет в голову этому гиганту, когда он увидит меня в такой позе.

– Не, ну а че? Скажешь, тебе этот молоток вчера был нужен, на ночь глядя? Слышь, ты бы ночью стучал молотком?

– Допустим, вчера он мне не был нужен, а вот сегодня на работе пригодится. Так что давай мой инструмент, и я пойду.

– Вечером занесу. Мне еще надо немного постучать. Ну... штапики надо подбить на окнах.

То, что он юлил, не вызывало сомнений, но мне действительно пора было ехать на работу: просить напарника прикрыть меня второй день подряд будет некрасиво. Неужели инструмент еще у него? Или все же врет? Я легко куплю новый и это точно одна из самых незначительных проблем в моей жизни. Но если есть шанс вернуть инструменты, то почему же им не воспользоваться?

– Значит так, Коля, мне сейчас нужен мой инструмент. Он

у тебя?

– У меня. Куда ж он денется. Ладно, отдам.

Надо же, он мне одолжение делает! Сосед ушел на кухню, и оттуда послышался грохот. Похоже, Коля искал мои инструменты, но, когда он появился на пороге, я глазам не поверил. Он держал в руках свой самодельный молоток, который издавдалека можно было принять за турку для кофе. Коля протягивал его мне, не скрывая восторга.

– Что это? – выговорил я с трудом.

– Слышь, там это... Не найду я твои вещи так быстро. Возьми пока этот. А что? Хороший молоток! Если бы ты мне свой не принес, я бы этим замок починил. Да ты бери, не беспокойся. Я пока без него обойдусь, а тебе для работы надо.

Я не мог произнести ни слова: на языке вертелись только матерные слова. Выдохнув, я попробовал глубоко вдохнуть и не смог, так как в нос ударяла вся гамма ароматов, доносившихся из открытой настежь двери. Пришлось говорить, почти не вдыхая, и это прозвучало весьма глупо.

– Так, Коля, мне не нужен твой супермолоток. Можешь вернуть его на место. Мне нужны мои инструменты, и я прошу тебя их вернуть. Или ты их пропил?

Он побагровел и задышал тяжело. Видимо, мой намек на его привычку возымел не тот результат, на который можно было рассчитывать.

Сосед сделал ко мне пару шагов своими огромными ногами и вытолкнул меня на площадку. Рывком закрыв дверь, он

процедил из-за нее:

– Слышь, умный нашелся. Сказал, отдам, значит, отдам. Не сегодня. Завтра. А лучше через неделю заходи. Молоток ему нужен, вот же придумал! Да у тебя их, небось, дома с десяток валяется! Вот нужна тебе будет моя помощь, а я не помогу – вспомню этот день.

Он захлопнул и вторую дверь, оставив меня в полном одиночестве. Стоя на площадке, я слышал его топот, а через несколько секунд раздался крик и плач его жены. Ну что ж, мне в морду он не дал, хотя грудь после его толчка горела, но жена, похоже, от него получила по полной.

Я так и не понял, почему он скрылся. Его силы хватило бы, чтобы скинуть меня с лестницы, а он просто ушел. Может, зная свою силу, он боится последствий? Тогда он все же умен. Еще один вопрос остался без ответа, но кричать в закрытую дверь я уже не решился. В гараже у меня действительно много молотков, так что обойдусь как-нибудь, но сам факт такого отношения выводил из себя. Каждый раз надеешься, что человек, который тебя бесит, в душе хороший, просто сегодня не в настроении. Но когда плюют в душу, а потом по ней топчутся...

В общем, на работу я уходил с тяжелым сердцем.

Глава 10.

Именно соседи стали той движущей силой, которая изменила мои взгляды на жизнь. До встречи с ними я и подумать не мог, что мне, человеку честному и открытому, придется общаться с подобными людьми. Им было наплевать на окружающих, на тех, кто помогал им и делал для них что-то хорошее. Они жили только для себя, считая свой образ жизни идеальным.

Теперь мой внутренний тотемный зверек, маленький ежик, жаждал вырваться наружу и показать им, кто здесь главный. Что? Еж? Неужели это маленькое животное могло кого-то напугать, а уж тем более одержать победу? А вы вспомните о его колючках. Мне сейчас казалось, что по отношению к соседям я обрастал подобной броней. И чем больше мне приходилось с ними общаться, тем больше колючек вырастало на моей спине. Я чувствовал, что зверек внутри меня скоро возьмет верх, но каков будет результат, я даже предположить не мог.

Возвращаясь к истории с молотком, могу сказать, что свои инструменты я больше не увидел, а Коля снова вел себя как ни в чем не бывало и даже несколько раз заходил ко мне занять денег. И я давал, так как дальше портить отношения с соседом не хотел, тем более что суммы были небольшие.

ми. Такая себе плата за нормальное существование в доме. Он отдавал долги, но не всегда, а я не вел отчетности таким деньгам, так что предполагаю, возвращал сосед не больше половины. Коля мог занять несколько раз по двадцать гривен, а потом принести сразу пятьдесят. А мог занять, пропасть на месяц и появиться только для того, чтобы снова занять. Так мы прожили еще один год, пока не случилась новая история.

Я уже не воспринимал соседа как нечто непонятное. Он стал для меня невидимкой, периодически выплывая, как лодка из тумана. С Наташей я виделся еще реже, так как она большую часть времени проводила дома, в отличие от своего мужа-баламута. Несколько раз мне приходилось видеть, как Коля в драке раскидывал своих обидчиков, а их обычно было немало. В такие моменты я чувствовал боль в грудной клетке, вспоминая его легкий толчок на лестничной площадке.

В тот день мы собирались в гости к Жениной сестре, и Лера вместе с мамой прихорашивалась перед зеркалом. Зачем наводить марафет перед походом к родне на чай, мне было тяжело понять, но я, как и всякий мужчина в подобной ситуации, просто лежал на диване и ждал. На мне все еще были домашние шорты и майка, и я читал с экрана телефона смешные житейские истории. Какой смысл торопиться, если я собираюсь за три минуты и мне все равно придется снова стоять и ждать их?

В комнату зашла Лера и вытянула передо мной руки. Ног-

ти блестели от детского лака, а правое запястье украшал браслет из голубых камушков, купленный Женей в переходе метро. Я приподнялся на кровати и сделал вид, что очень внимательно рассматриваю ее украшения. Когда дочь также пристально стала смотреть на свои руки, я притянул ее к себе и сделал вид, что собираюсь укусить. Лера завизжала, но игру приняла и через мгновение больно впилась зубами в мою ногу. Когда я картинно застонал, дочь засмеялась и поцеловала меня в щеку.

– Папа, ты такой смешной, – сказала она, вставая с кровати.

В этот момент в комнату зашла Женя и, оперев одну руку в бок, посмотрела на меня испепеляющим взглядом. Мои руки были подняты, как у парламентаря, демонстрирующего отсутствие оружия.

– Мы ничего не делали, – с легкой улыбкой на губах оправдывался я. Женя уже смотрела на Леру, и ее лицо становилось все строже. Мне стало ясно, что ничего хорошего можно не ждать.

– Вова, я пятнадцать минут пыталась накрасить ногти этому моторчику, который постоянно норовил куда-то убежать. И что я вижу? Ты вытер весь лак о свою футболку. Хорошо еще, что он отстирывается. Что теперь с Лерой делать? Пойдешь без лака.

Последняя фраза была произнесена с такой интонацией, что любые апелляции с нашей стороны исключались.

– Ну мама, – капризно протянула дочь, – я хочу с лаком. Папа, скажи ей!

– Да, папа, скажи мне, зачем ты испортил всю мою работу?

– Жень, а может, ты еще раз наклеишь? – Я даже руки сложил перед грудью, как в молитве.

Женя окинула нас ехидным взглядом и сказала:

– Хотите лак – решайте этот вопрос сами. Мне еще самой накраситься надо.

Она вышла из комнаты, а я физически почувствовал взгляд дочери. Это была мольба, и мне оставалось только кивнуть и показать рукой на дверь:

– Проходите в мой салон. Я его только что открыл, но думаю, вам понравится. Будете моим первым клиентом.

Дочь вылетела из комнаты с радостным визгом. Я пытался вспомнить ритуальные действия жены, выполняемые обычно при покраске ногтей. По-моему, первым делом надо хорошенько потрясти флакончик.

Не могу сказать, что мой результат был неудачным: ногти блестят, а клиент доволен. Немного испачкали столик, но это ничего. Лера выбежала в коридор показывать маме новую красоту. Я же, выглянув следом за ней, понял, что одеваться пока бесполезно. Вернувшись в комнату, я снова улегся на прежнее место и только прикрыл глаза, как послышался непонятный грохот. Звук раздался в подъезде, и я подумал было встать и посмотреть, что там такое, но не встал. Ведь мы все равно скоро выходим. Разберемся на месте.

Женя заглянула в комнату и указала пальцем на входную дверь.

– Ты слышал? – спросила она.

– Слышал. Будем выходить – посмотрим.

– А вдруг там что-то случилось?

– Жень, с ними все время что-нибудь случается. Пусть они хоть поубивают друг друга, нам только лучше будет.

Странно, но тогда всплыли в памяти все мои «конфликты» с соседом. Казалось бы, мы уже почти год живем мирно, а почему? Я стерпел его скотское поведение, а он получил то, что хотел. Да еще и заимел под рукой банк, выдающий микрокредиты и не требующий их возврата. Получается, что проиграл тогда я. Я делал вид, что просто не хочу войны, а на самом деле боялся признаться себе в трусости.

На душе стало мерзко и противно. С этим надо было что-то делать, и я поднялся со своего места. Жена уже вернулась к работе по приведению себя в парадно-выходной вид, и я решил быстренько одеться и подождать семью на площадке. Надев выходную рубашку и брюки, я пошел к двери. Жена молча в недоумении смотрела на меня. Но, когда я надел туфли, ее терпению пришел конец и уже пару минут витавший в воздухе вопрос вырвался на свободу:

– Ты куда? Нам еще минут десять надо.

– Пойду прогуляюсь на площадку. Мало ли что там могло произойти. Может, уже выходить некуда.

– А как же...

– Ни слова больше, – я подмигнул и вышел в тамбур.

Как только я открыл дверь на лестничную площадку, мне в нос ударил резкий запах табачного дыма. Он был нашим давним, привычным «сожителем», но сейчас показался невыносимым. К нему добавлялся еще какой-то странный запах. В клубах едкого дыма по очертаниям угадывался Коля, стоящий ко мне спиной, а также пара его друзей, которых я видел впервые.

Не могу сказать, что меня сильно раздражает запах табачного дыма, но при наличии в доме маленького ребенка он все же напрягает. Я сам курил в детстве, пока отец не выпорол меня ремнем, навсегда отбив к этому охоту. Да и на работе напарники частенько курили прямо на посту, так что мне было не привыкать к этому запаху. Но сейчас... Подойдя поближе, я понял, что грохотало здесь несколько минут назад. Кто-то отломал деревянную накладку и загнул под большим углом голый металлический остов перил. Пройти по лестнице сейчас было сложно: ступеньки частично перекрывали гнутая железка и торчащее деревянное острие. Я смотрел на это молча, пока меня не заметил один из присутствующих здесь мужчин.

– Здравсьте, – поздоровался он и картинно поклонился. – Пройти мешаем?

– Нет. – Я окинул их взглядом и оценил свои шансы выжить в случае конфликта как равные нулю. – Решил выйти посмотреть, кто здесь шалит.

– Ага, мы тоже за этим сюда пришли, – сказал второй мужчина и, нагнувшись, почесал ногу в резиновой тапке. – Да, братаны?

Все закивали, подтверждая его слова, а Коля наконец-то повернулся ко мне и развел руки в стороны. Снова появилось чувство, что он собрался меня обнять.

– Ба, да это же мой сосед! – пробасил он. – Братва, можете не бояться: Вовка свой мужик. А я стою и думаю, кто же это пришел. И голос такой знакомый. Слышь, двадцатку займи. Я отдам, ты же меня знаешь.

– Я без кошелька сейчас, – только и сказал я.

– Слышь, ну тогда принеси, когда пойдешь домой. Очень надо.

Я снова осмотрел его друзей и покосился на свою дверь. Да, шансов выжить реально мало. У обоих мужчин на руках были тюремные наколки, а у одного отсутствовали две фаланги указательного пальца на правой руке. Но больше всего меня поразили его зубы в разрезе странно перекошенной улыбки: один зуб крепился несколькими витками проволоки к другому. Все мужики были одеты в футболки с карманами на груди. У обладателя страшноватой улыбки там лежала пачка сигарет, которую он достал искалеченной рукой. Протянув ее мне, мужчина обнажил в улыбке все свои желто-черные зубы.

– Бери одну, пока угощаю.

Заглянув в пачку, я сразу все понял. Станный запах, ко-

торый сразу ударил мне в нос, был запахом горевшей «травки». Пару раз в студенческие годы мы с одногруппниками баловались таким делом, кто-то из ребят привозил. Косяки тот парень скручивал также, и также прятал в пачке от сигарет. Картина наших студенческих загулов живо предстала перед моими глазами. Я даже потянулся рукой к предложенной пачке, вспомнив старые развлечения. Вовремя отдернув руку, я убрал ее в карман.

– Нет, спасибо. Таким не балуюсь, – я взглянул на Колю. Тот доставал из кармана спортивных штанов затушенный окурочок.

– Это не простая сигарета, – почесав шрам на шее, сказал третий и тоже показал свои гнилые зубы. – Тебе понравится.

– Я понял, что это, – сказал я и выставил перед собой руки ладонями вперед. – Но я не курю, так что извините.

– Хозяин – барин, – проворчал первый и убрал пачку в карман.

Коля сделал затяжку и выпустил дым, частично на меня. Я закашлялся, отворачиваясь. Вся компания засмеялась, а беспалый, непонятно откуда доставший зажженную самокрутку, сунул ее в рот. Пространство вокруг него сразу наполнилось сизым дымом, от которого начинала кружиться голова. Он ударил рукой по перилам, и от них откололся кусок накладки. Поставив эту палку рядом с собой, мужчина осклабился, глядя в мою сторону.

– Курить – не курит, говорить – не говорит, так зачем же

ты пришел сюда, мил человек? – Мужчина со шрамом смотрел на меня очень пристально, как будто пытался узнать. Он сунул руку в карман джинсов и достал из него что-то. Раздался щелчок, и в его руке засияло тонкое лезвие. Он начал ковырять в ногтях, довольно грязных, при этом все время поглядывая на меня. Коля засмеялся и толкнул меня в бок.

– Слышь, ты это, не бойся. Мишаня человек мирный, он хороших людей не трогает. Да, Мишаня?

– Ага, – громко засмеялся тот, сверкая золотыми зубами. – Но только если человек хороший. А хороший молчать не будет.

Он сверлил меня взглядом, и это мне очень не нравилось. Компания из трех обкуренных мужиков, причем с ножом и палкой... Если быстро все не разрулить, такая ситуация может закончиться чем угодно. Вспомнились слова, сказанные Женей: «...если они поубивают друг друга, нам от этого будет только легче». Откуда же мне было знать, что я окажусь с ними в одной лодке. Мой внутренний зверь, ощетинившись, сжался в клубок, выставив наружу только маленький черный нос.

– А я уже сказал, зачем пришел. – Мне стоило огромного труда не выдать своего волнения. – Тут был шум, я вышел посмотреть. Неужели непонятно?

Повисла тишина, нарушаемая только тяжелым Колиным дыханием. Посмотрев друг на друга, его гости как-то странно перемигнулись и заржали.

– А ты молодец, – сказал беспалый и легонько толкнул меня в плечо. – О доме заботится человек, сразу видно. Не то что ты, Боров.

Коля посмотрел на него уничтожающе, а беспалый толкнул в плечо и его.

В этот момент произошло то, чего мне хотелось меньше всего. За моей спиной скрипнула дверь, и раздался голос Жени:

– Ты идешь? Мы уже готовы.

Я почувствовал, как по спине поползли мурашки. Ладони вспотели, и мне пришлось сжать их в кулаки. Мужики повернулись на ее голос, а Мишаня даже как-то странно изогнул шею, чтобы лучше видеть происходящее у меня за спиной. Беспалый расплылся в улыбке и здоровой рукой пригладил остатки волос на лысой голове.

– Твоя? – спросил он.

– Да, моя. Мы в гости едем, – зачем-то уточнил я.

– Здравсьте, мадам, – протянул Мишаня, пряча руку с ножом за спину.

– Здравствуйте, – ответила Женя и вышла на площадку. «Только не это. Не делай так» – молил я про себя. Но было поздно: она подошла ко мне сзади и стала за спиной.

– А мы тут, это, плюшками балуемся. – Беспалый сразу затушил косячок в банке-пепельнице. Мишаня последовал его примеру, и только Коля сделал еще одну затяжку.

Женя осматривала всех присутствующих. Я чувствовал,

как ее правая рука поглаживает мою спину в знак поддержки.

– Вы же собирались куда-то? – сказал Мишаня.

– Да, в гости едем, – Женя произнесла это так буднично, будто общалась со старыми друзьями.

– Ну так езжайте, – посоветовал беспальный и протянул мне руку. Я автоматически пожал ее. Он же, заулыбавшись, демонстративно вытер ее о свою штанину. Конечно, он почувствовал, как вспотели мои ладони, и это не могло не доставить ему удовольствия.

– Пойдем, – сказала мне на ухо Женя. – Нас Лера заждалась. Она прямо за дверью стоит. Одна.

Осознав озвученную женой ситуацию, я попрощался и пошел домой. Мне в спину давили три пары недовольных глаз.

Прямо за дверью нам навстречу кинулась дочь. Она обняла меня одной рукой, не выпуская из второй ежика.

– Я так за вас испугалась! – сказала Лера и тихонько заплакала.

– Я тоже, – сказала Женя, доставая из-за пояса на спине кухонный нож.

– А... – только успел сказать я.

– Ни слова больше. Мне неприятно даже думать об этом.

С этими словами она ушла на кухню ставить чайник. Я в недоумении пошел следом, и она ответила на мой немой вопрос:

– Нам всем сейчас надо расслабиться. Выпьем зеленого

чаю, а потом поедем.

Мы «расслаблялись» минут двадцать, заедая чай шоколадом и галетным печеньем. Согласен, странное сочетание, но нам нравится. После такого перекуса мне ехать уже никуда не хотелось, но мы обещали родным. Вызвав такси, я подошел к двери и прислушался к звукам на площадке. Там было тихо, а значит, веселая компания ушла «гулять» в другом месте или осела у Коли. Любой из этих раскладов меня устраивал.

У родственников мы провели несколько часов, так что домой вернулись около десяти вечера. Лера уже очень хотела спать, о чем говорила ее непрерывная зевота в машине. А я собирался немного поваляться в предвкушении: впереди был вечер онлайн игры. Хоть я и покинул свой район, но остался приверженцем древней традиции: каждый второй четверг месяца, ровно в одиннадцать вечера, мы с друзьями играем в стрелялки. С этими ребятами мы дружим с детства, и никто из нашей команды до сих пор не выбыл. Была армия, были переезды, но каждый раз мы снова и снова собирались виртуально погонять друг друга.

Женя ушла укладывать Леру, а я, полежав немного, отправился на свое игровое место. На лестничной площадке что-то упало, но мне было все равно: наушники уже заняли свое место у меня на голове. Через несколько минут в них раздались первые выстрелы. Игра началась.

Когда я ложился, Женя уже спала. Мы разыгрались и

смогли успокоиться только ближе к часу ночи. Расстреливая виртуальных врагов, я видел лица сегодняшних новых знакомых. В снайперском прицеле появлялась голова человека в маске, но я четко видел, что у него глаза Беспалого.

Когда я обнял жену, все мои мысли ушли на задний план. Женя проснулась и покрепче прижалась ко мне, промурлыкав что-то спросонья. Соглашусь с теми, кто считает, что ночь дана супругам не для нудных разговоров, но оставался вопрос, который беспокоил меня весь вечер. Немного помучившись, я решил его задать:

– Что ты собиралась делать с ножом?

Почувствовав, как она дернулась, намереваясь повернуться, я ослабил хватку и стал ждать. Сонные люди редко бывают проворными – Женя медленно переворачивалась на левый бок и гневно вздыхала. Она посмотрела на меня сонными глазами и ответила:

– Не знаю, поступила бы по обстоятельствам.

Оказалось, что она очень быстро накрасилась и, выждав пару минут, решила узнать, как у меня дела. В тамбуре она услышала последние фразы нашего разговора. Не раздумывая ни секунды, она метнулась на кухню и взяла нож. Сейчас Женя смотрела на меня так, что мне не оставалось ничего, кроме как притянуть ее к себе. В общем, уснули мы не раньше чем через час.

Ночью мне снилось, как жена перерезает горло сначала Беспалому, а затем Мишане. Покончив с ними, она точным

движением всаживает нож прямо в сердце Коле, и он, булькая кровью, падает на колени. В его глазах – отчаяние и мольба о прощении. Женя поворачивается ко мне, и я теперь могу видеть ее лицо, забрызганное кровью врагов. Она смеется и идет домой, неся в руках какой-то колючий комок. Мой тотемный зверек. Пол на площадке медленно заливается кровью, которая начинает капать со ступенек, напоминая звуком весеннюю капель. Женя хохочет и говорит, что ей опять придется убирать гадость возле соседской квартиры.

Проснулся я по будильнику, выспавшийся и отдохнувший, несмотря на то, что спал совсем недолго. Посмотрев на жену, я дал себе зарок уменьшить количество возможных встреч с соседями. Мне еще дочь растить, а общение с ними могло закончиться плохо для всех нас. Надо постараться избегать Колю и его дружков...

Часть 3.

Глава 11.

«Надо постараться избегать Колю и его дружков», – прошептал я, стоя на четвертом этаже.

Прошло полтора года с момента нашей беседы на площадке, но Беспалый и Мишаня мне все еще снятся по ночам. Ничего не изменилось: Коля продолжал свои пьяные дебоши, временами что-то ломая в нашем подъезде. К примеру, три месяца назад он сломал лифт, да так и остался в нем. Поскольку перед этим он изрядно принял на душу, то, уснув в лифте, использовал его как туалет. Жильцы долго брезговали после этого в нем ездить, хотя тетя Катя там почти сразу убрала. Сердобольная женщина старалась помочь всем, поскольку давно жила одна, но в ответ от Коли получала только ругательства.

Я старался держаться от соседа подальше, чтобы не доводить ситуацию до греха, но судьба, ведущая меня по незримому пути, распорядилась иначе.

Лера любит ходить по ступенькам, причем ей все равно, куда идти – вверх или вниз – главное, двигаться. С мамой такое развлечение ни разу не получилось, а вот со мной – по-

жалуйста! Я надеюсь, что когда-нибудь этот маленький моторчик станет известной спортсменкой, ведь бег и прыжки – это ее любимые занятия. На улице мы обычно не идем на площадку, а носимся по двору.

В тот день она снова захотела подниматься домой пешком. Мы мало побегали на улице, и я решил, что еще немного физических упражнений нам не помешает. Мы шли бодрым шагом, держась за руки и вслух ведя подсчет пройденным ступеням. На четвертом этаже я остановился. В окне лестничного пролета зияла большая дыра, и часть стекол лежала на полу. Я смотрел на дыру в окне и понимал, что ей суждено стать дырой в моей жизни. Тем более, что немного раньше я слышал, как открылась дверь в квартире соседей. Тяжелые шаги прозвучали у нас над головой, а им вторили легкие, ступающие рядом. Значит, они вышли вдвоем и теперь проход будет загорожен. Я посмотрел на дверь лифта, но Лера, воспользовавшись моей задумчивостью, освободила руку и быстрой детской походкой засеменила наверх. Мне пришлось рвануть за ней следом, но я не успел. И вот уже она, в открытых сандалиях, стоит рядом с кучей осколков, а сверху раздается громкий мат. Поднявшись на пару ступенек, я увидел, что часть стекол испачкана в крови, и темные капли стремятся к лестничному пролету, идущему на мой этаж.

– Папа, смотри, тут кто-то окно разбил, – сказала Лера. – Здравствуйте.

С кем она поздоровалась, я еще не видел. Пока я поворачивал голову, прозвучал ответ, произнесенный незнакомым голосом:

– Здравствуй. Ты смотри там, осторожнее, в осколки не влезь, – говорила женщина, стоявшая рядом с незнакомым мне мужчиной.

Так значит, это были не Коля с Наташей, а я рассчитывал увидеть на площадке именно их. Стояла парочка перед открытой соседской дверью, держа в руках по сигарете. Из тамбура на них падал электрический свет, такой ненужный в это дневное время. Судя по одежде, можно было сделать вывод, что они здесь живут: на женщине был халат и тапки, а на мужчине – только шорты. Он стоял босыми ногами на плитке и смотрел на меня, прокручивая между пальцами сигарету. Женщина улыбалась, глядя на Леру, и это делало ее синяк вокруг глаза не таким заметным. Неужели вернулись ребята, уехавшие на заработки? Или это квартиранты, взятые Наташей в свою огромную квартиру? Кажется, возле подъезда говорили, что теперь у них поселились их «коллеги по цеху».

Кто дернул меня за язык, не знаю, но в народе говорят, что обычно это делает черт. Взяв дочь за руку, я задал вопрос, наиболее подходящий в данной ситуации:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.